
Ирина ПИВОВАРОВА
СТАРИЧОК В КЛЕТЧАТЫХ БРЮКАХ
ПРИКОЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

ИРИНА ПИВОВАРОВА

СТАРИЧОК В КЛЕТЧАТЫХ БРЮКАХ

Рисунки Ксении Почтенной

«МАЛЫШ»

Часть первая
ТЕФТЕЛЯ

Глава 1
Хорошо быть писателем!

— Ах, — скажу я вам, — хорошо быть писателем! Пишешь себе, пишешь!.. Сидишь в удобном кресле, на столе баночка с авторучками. Надоест одной авторучкой писать — берёшь другую. Надоест первую главу сочинять — сочиняешь третью. А не хочешь сочинять — сиди себе, гляди в окно!

Вот писатель сидит за письменным столом и глядит в окно.

В окне он видит сплошную пелену снега, и ничего больше.

Учтите, дорогие читатели, это первый снег. Деревья ещё покрыты листьями, стоят почти зелёные, а уж крыши и дорожки совсем побелели...

И хотя писатель сидит в тёплой комнате, в тёплых шерстяных носках, ему грустно. Кончилось лето и теперь не скоро начнётся.

Но писатели народ хитрый! Нету лета — пустяки, лето будет!

Возьмёт писатель ручку и напишет: «Было тёплое летнее утро...»

И сразу настанет лето!

И утро!

И зелёные акации раскинут во все стороны цветущие руки, и будут в них биться и трепетать маленькие круглые блики солнца!

А по асфальтовой дорожке, по тёплой, серой, усыпанной сквозной тенью дорожке между двумя пятиэтажными домами, пойдёт, гулко постукивая каблуками, молодая девушка... Синие джинсы марки «Леви-Страусс», ситцевая кофточка в голубой горошек, полотняная сумка с портретом кубинского бородача через плечо.

Девушка кивнёт видному общественнику двора Дмитрию Ферапонтовичу Волкову, поливающему из лейки клумбу с прозрачными нарциссами, улыбнётся лифтёрше тёте Кате, обогнёт стайку воркующих голубей... Но тут неожиданно дорогу ей преградит чья-то расставленная прямо на тротуаре мебель, и она увидит сидящего под торшером в кресле серьёзного белобрысого мальчишку с авоськой на коленях и услышит орущего из авоськи дурным голосом толстого белого кота.

Девушка усмехнётся, а может быть, даже и засмеётся при виде такой странной картины. Мальчишка же страшно сконфузится, вскочит, одной рукой прижмёт к груди кота в авоське, другой — схватит огромную клетчатую сумку, распухшую от тарелок, кастрюль, сковородок и прочей кухонной утвари, и, карябая дном сумки о землю, поволочёт её к подъезду.

— Осторожнее, Павлик! — вскрикнет невысокая светлоглазая женщина, мама мальчика (назовём её Марина Сергеевна). — Смотри не разбей! Там польский сервиз!

— Кто такие? — строго спросит Дмитрий Ферапонтович у лифтёрши тёти Кати.

— А жильцы новые! — обрадуется тётя Катя. — С Агафоновыми переменялись! Сра-

зу видать — культурные, пианино привезли!

— Так-так, — строго скажет Дмитрий Ферапонтович и поправит на голове соломенную шляпу. — Как фамилия-то?

— А не знаю я! — беспечно откликнется тётя Катя. — Не сообщили! Может, Петровы, а может, Ивановы!

— Так-так, — строго покачает головой Дмитрий Ферапонтович. — А между прочим, знать надо! — И примется рыхлить тяпкой тёплую чёрную землю между нарциссами.

...А сверху будет сиять и смеяться солнце.

И по голубому-голубому небу будут бежать толстенькие, пухлые облака.

И с этого радостного летнего утра начнётся длинный, полный хлопот, июньский день, а вместе с ним и наша книжка.

Глава 2
Имя нашего героя

Для ясности сразу скажем вам, милые наши читатели, что лифтёрша тётя Катя не

угадала фамилию новых жильцов. Она оказалась не Ивановы и вовсе даже не Петровы, а Помидоровы.

Итак, мы решили вот что — Павлик Помидоров и будет нашим героем!

Павлик Помидоров... Звучит неплохо, а? Или фамилия Помидоров кажется вам немного смешной? Ну и пусть, что ж поделаешь, фамилии-то люди не выбирают! У одного, скажем, фамилия Виноградов, а у другого — Пупков, не в этом дело, человек был бы хороший, правда? А там Пупков, Виноградов — какая разница! Впрочем, действительно иногда странные фамилии случаются на свете! Попугаев-Говорливый, например. Или Башмак-Перевертуев... Но это в данном случае к делу отношения не имеет.

Итак, знакомьтесь — Павлик Помидоров.

Мальчик как мальчик. Ничего особенного. Не слишком красивый, но и не урод. Даже вполне, на наш взгляд, симпатичный.

Не худой, но и нельзя сказать, чтобы толстый.

Щёки, правда, довольно круглые, румяные.

Глаза серые, в крапинку.

Ресницы прямые, рыжеватые, немного похожие, как у маленьких телят бывают.

Брови светлые.

Росту невысокого.

Вот вроде бы и всё. Ничего необычного нет. Краснеет, правда, часто, и взгляд несколько задумчивый, но это опять-таки ни о чём не говорит. Да и вообще, сами знаете, разве можно по внешности судить о человеке? Давайте посмотрим, как наш Павлик поведёт себя, вот и узнаем, что он за человек.

Глава 3
«Какой чудный мальчик!»

С отвращением втаскивал Павлик на четвёртый этаж кота и стопудовую сумку.

Кот извивался в авоське, как щука в неводе, и выл, как гиена в зоопарке. Сумка тарахтела и скрежетала, как танк.

Из-за спины Павлика доносились сопенье, пыхтенье и запах табака и пыльных

ватников: двое грузчиков с лицами разбойников тащили на верёвках старое дедушкино пианино.

— Ах, прошу вас, не царапайте крышку! — волновалась Марина Сергеевна. — Как вы не понимаете — это «Шредер», красное дерево!

Грузчики не понимали. Пианино стонало, всхлипывало и тихо жаловалось где-то в своей тёмной серёдке.

В подъезде пахло тушёной капустой. На светло-зелёной стене Павлик прочёл наца-

рапанные кем-то слова «Привет от старых штиблет».

— Господи, до чего же я переезды ненавижу! — яростно бормотала Марина Сергеевна, волоча позади Павлика швейную машинку «Зингер». — Прямо не машинка, а слон какой-то! И лифт, конечно, не работает!

Наверху гулко хлопнула дверь, кто-то запрыгал по лестнице, и перед потным от натуги семейством Помидоровых вырос высокий парнишка в яркой полосатой майке.

Парнишка остановился, скользнул по Павлику насмешливым взглядом, подскочил к Марине Сергеевне:

— Разрешите! — И не успела растерявшаяся Марина Сергеевна, что называется, и рта раскрыть, как паренёк легко, будто пёрышко, схватил машинку, в три скачка внёс на лестничный пролёт, улыбнулся, перелетел ещё десять ступеней и скрылся на следующем этаже.

— Боже, какие бывают дети! — прошептала, блестя от восторга глазами, Марина Сергеевна. — Павлик, ты видел что-нибудь подобное?

— А что такого? — сказал Павлик. — Ничего особенного! Подумаешь!

Но Марина Сергеевна не могла успокоиться. И даже на следующий день, и ещё на следующий, и ещё два дня спустя, развешивая в новой квартире занавески, расставляя столы, стулья и жаря в кухне котлеты, она вспоминала мальчика в подъезде и ставила его Павлику в пример.

— Какой мальчик! — говорила она. — Какой чудный ребёнок! С первого взгляда видно — умный, подтянутый, целеустрем-

лённый! Наверняка спортом занимается!.. Вот бы тебе, сынок, с кем подружиться! Вот с кого пример брать!

Глава 4

Можно начинать новую жизнь

Трудно переезжать на новую квартиру. Трудно перетаскивать тяжёлые вещи. Но ещё труднее расставлять их на новых местах. Ни вещи ещё не знают своих мест, ни места своих вещей. Возишь-возишь взад-вперёд какой-нибудь книжный шкаф или кресло-кровать... Примеряешь то тут, то там...

Одну тумбочку мать и сын Помидоровы раз десять таскали туда-сюда, нигде она не могла приткнуться. Наконец облюбовала себе место у окна, а за ней и другие вещи вдруг выстроились по квартире в чётком порядке.

Через два дня можно было жить, и жить спокойно. Шкафы, кровати и стулья были расставлены, на крючках в ванной

развешены полотенца, на окнах — занавески, на стенах — географическая карта, два эстампа, изображающие цветы в вазах, и репродукция картины «Морской бой» художника Айвазовского.

По новой квартире плавало солнце.

В комнате Павлика оно отражалось в полированной коричневой крышке нового письменного стола, трогало тёплыми руками яркий голубой глобус и мягко прикасалось к небольшому, сшитому из ситца и туго набитому чем-то мешочку, лежавшему на ослепительно белом подоконнике.

Павлик крутанул рукой глобус (он весело завертелся на чёрной ножке!), подышал на блестящую крышку стола (она засверкала ещё ослепительнее), прошёлся в носках по натёртому полу и вздохнул от избытка чувств.

Теперь у него была своя собственная комната, свой собственный письменный стол, книжная полка, красная деревянная табуретка и даже своё собственное, выходящее во двор, окно.

«Ура!» — мысленно воскликнул Павлик и выглянул во двор.

Под окном он увидел скверик, в скверике — деревянную крашеную песочни-

цу, голубую детскую горку с поломанными ступенями, турник, клумбу и пять зелёных лавочек.

Эта картина Павлику понравилась.

«Что ж! — сказал себе Павлик. — Квартира у нас отличная, двор тоже. Можно начинать новую жизнь!»

Глава 5
Павлик решает вести дневник

Да, так сказал себе Павлик. Так именно и подумал: «Можно начинать новую жизнь!»

Это часто бывает с людьми, когда они переезжают на новую квартиру или уезжают в другой город. Им кажется в таких случаях, что жизнь начнётся совсем новая, не такая, какая раньше была.

А вы не замечали, с чего люди часто начинают новую жизнь, или как им кажется — новую?

Они заводят дневник. Хотят записывать все события, все интересные случаи, кото-

рые произойдут с ними в этой новой, совсем не похожей на прежнюю, жизни.

Вот и наш герой Павлик Помидоров решил сделать то же самое.

Глава 6
Начало дневника

Итак, Павлик ещё разок с удовольствием оглядел свою комнату, взял тридцать копеек, вышел на улицу и решительно направился к книжному киоску.

— Скажите, пожалуйста, — вежливо обратился он к продавщице, — у вас продаются толстые тетрадки?

— А тебе зачем? — спросила продавщица и, как показалось Павлику, хитро и пристально на него посмотрела.

«Догадалась!» — подумал Павлик, страшно сконфузился и забормотал:

— Мне... да мне так, наблюдения за погодой записывать!

— Наблюдения за погодой? — добродушно улыбнулась продавщица. — Молодец, мальчик, хорошее дело придумал. На, держи! И вот тебе ещё стерженёк, пиши на здоровье.

Павлик взял толстую тетрадку в красном клеёнчатом переплёте и синий стерженёк и пошёл, радостно подпрыгивая, домой.

Дома он первым делом закрыл дверь на задвижку, потом сел за стол, раскрыл тетрадь и аккуратно вывел на первой разлинованной в клеточку странице большими печатными буквами слово: «Дневник».

Откинул голову, полюбовался. И, высунув от усердия язык, написал под большими буквами маленькие: «Совиршенно секретно».

Подумал. Исправил ошибку, поставил восклицательный знак и скобки... Вышло:

ДНЕВНИК
(совершенно секретно!)

Павлик остался доволен, перевернул страничку и стал писать маленькими неровными буквами.

7 июня.

Ура! Мы переехали! Хорошо свою комнату иметь! Я теперь запрусь и придумаю! Да! А то раньше только начнёшь думать, а мама пол подметать велит. Я такое придумаю — Люська ахнет! Я ей докажу!

А то она говорит, счастливая, мол, Нинка Петрова: у неё троюродный брат утопающего спас. Ну и что? И я бы спас! Я бы не побоялся, честное слово! И Люська Косицына, говорит, счастливая. У неё брат капитан футбольной команды. Ну, футбол, я считаю, это пустяки. Я хочу что-нибудь опасное совершить, с риском для жизни. Посмотрим, что она тогда скажет! А то говорит: Вите Кукушкину из книжки «Семеро на границе» всего десять было, а он в горах вооружённого бандита поймал и на заставу привёл, а тебе уже одиннадцать. Я тоже что-нибудь замечательное совершу! Мне бы только придумать! Я давно о настоящем опасном деле мечтаю! И вообще надоело, что меня Помидором зовут! Никакой я не Помидор!

А этот мальчик в подъезде мне очень понравился. Вот бы с ним подружиться, он бы не стал Помидором дразниться, это уж точно. Я хотел спросить, как его зовут, но постеснялся. Он даже не обратил на меня внимания. И неудивительно. Он на целую голову выше меня, плечи у него широкие, и он худой и ловкий. А я толстый и нескладный. У меня такой вид, что я сам себе противен. По-моему, я на осьмино-

га похож. Да! Нос картошкой, глазки малюсенькие, брови какие-то белые, а щёки красные. Понятно, почему меня в том дворе Помидором дразнили.

А вообще, это очень обидно, когда дразнят. Я из-за этого в том дворе ни с кем не дружил, а так хочется иметь настоящего друга.

Я, правда, дружу с моей двоюродной сестрой Люськой, но она меня не понимает. Она говорит...

Глава 7
Появление Люськи

Тут, дорогие читатели, как раз на этом месте, Павлик неожиданно прервал дневник, который с таким увлечением начал писать.

«В чём дело? — спросите вы. — Отчего он с испугом захлопнул тетрадь, как ужаленный вскочил со стула, огляделся по сторонам, бросился к шкафу и, встав на колени, запихнул под него тетрадь?»

Мы ответим вам: «В двери громко зазвонил звонок».

— Кто там? — еле переводя дыхание от быстрых действий, спросил Павлик.

— Открывай, это я! — услышал он нетерпеливый голос двоюродной сестры Люськи. — Чего ты там возишься-то? Звоню-звоню, прямо надоело!

— Сейчас, — сказал Павлик, отодвинул щеколду, и в прихожую, как буря, как ураган, ворвалась Люська.

— Здóрово! — с порога закричала она. — Ничего-о квартирочка! Симпатичная! Сколько метров-то? А балкон есть? А антресоли? Поря-я-ядочек! Коридор что надо! Даже больше, чем у нас! А кухня где? А комнаты? Чего стоишь! Давай показывай! На новую квартиру переехал и развоображался!

— Перестань, — сказал Павлик. — Что ты раскричалась? Квартира как квартира, ничего особенного. Идём, я свою комнату покажу.

Они вошли в комнату Павлика, и Люська просто остолбенела от восторга.

— Ух ты! У тебя теперь свой стол письменный! А картинку эту кто рисовал? Вот эту, с цветочками? Ми... тюш... кин... Гляди-ка, Митюшкин! Здорово рисует, мне бы так! А тётя Марина где? На работе?

— На работе, — сказал Павлик.

— А чего мы делать будем?.. Да, совсем забыла, я же тебе подарок на новоселье принесла!

Люська раскрыла грязноватый кулак и протянула Павлику покарябанную и потёртую металлическую пуговицу.

— Старинная! Даже вроде золотая! Гляди, как блестит! Я её на улице нашла, в луже валялась. Как раз для твоей коллекции!

— Спасибо, Люсь, — вежливо поблагодарил Павлик. — Но только она вовсе не старинная. Для коллекции не подойдёт.

— Неужели не подойдёт? Жалко! — огорчилась Люська. — Ну ничего, я тогда её тёте Марине подарю, пусть пришьёт куда-нибудь... Так. Квартиру мы новую осмотрели... Что теперь делать будем? Может, в пуговицы поиграем?

— Давай! — обрадовался Павлик.

В пуговицы он всегда играл с удовольствием.

Дело в том, что у Павлика был целый мешочек настоящих старинных пуговиц. Да-да, тот самый, что лежал теперь на подоконнике!

Старинные пуговицы достались Павлику от дедушки, дедушке от прадедушки, который собирал их, когда был ещё гимназистом.

Пуговицы были тяжёлые, круглые, с двуглавыми орлами и с коронами... Павлик их обожал. Ему никогда не надоедало любоваться ими, пересыпать, пересчитывать, раскладывать кучками, рассматривать в увеличительное стекло и даже пробовать на зуб.

Пуговицы были гордостью Павлика. Каждый день он тёр их тряпочкой и чистил мелом, чтобы блестели. Ему нравилось представлять, будто нашёл он их на

необитаемом острове, в сырой, мрачной пещере, где вниз головой висят летучие мыши, где с потолка и стен с тихим стуком капает вода, где темно и страшно, где длинные сталактиты протягивают колючие белые руки, а посередине, в углублении, таится ржавый от времени ящик, доверху наполненный драгоценными пуговицами, награбленными пиратами.

Глава 8
«Привет, Петухи!»

Итак, Павлик взял с подоконника заветный мешочек и высыпал пуговицы на стол. Они засияли матовым блеском.

В комнату вошёл кот Тимофей, поглядел зелёными глазами на склонившихся над письменным столом ребят, лениво направился к ним, разлёгся на ситцевом мешочке и принялся наблюдать, как Люська и Павлик азартно раскладывали старинные пуговицы кучками.

— Пусть эта твоя будет, а эта моя! — говорила Люська. — Слушай, Павлик, а ты чего больше всего на свете любишь?

Я знаешь чего? Торт со взбитыми сливками! А ты?

— А я сливочные помадки с цукатами, — сказал Павлик, но тут же понял, что этого говорить не следовало.

— Ну во-о-т, так и зна-а-ла! — презрительно протянула Люська. — Он сливочные помадки, видите ли, любит! Какой же ты брат после этого? Вот у Вальки Сергеевой брат, это я понимаю! — больше всего на «мёртвой петле» любит кататься! Сорок раз подряд прокатиться может!

— Я тоже могу, — помрачнел Павлик.

— Ой, держите меня, может! А кого после первого тошнить стало?

— Я не виноват, что меня тошнить стало. Я ведь не струсил! Ты что, мне не веришь?

— Ладно уж, чего там... — Люська потянулась и почесала худую загорелую ключицу. — А здорово всё же в пуговицы играть! Слушай, Павлик, если бы это не пуговицы, а золотые монеты были, ты бы что купил? Я бы, лично, велосипед и тыщу зелёных стеклянных шариков!

— А я бы лошадь, — сказал Павлик, стараясь хоть на этот раз не ударить лицом в грязь.

— Здорово! И я бы лошадь! — обрадовалась Люська и задела клетчатым рукавом пуговицы, и они звонко посыпались на пол. — Я бы на лошади, как Елена Петушкова скакала — гоп, гоп, гоп! Знаешь, какая я храбрая!

— Не хвались, я тоже храбрый...

— Да какой ты храбрый! Только на диване валяться умеешь! Вот у Тоськи Тарелкиной брат — это я понимаю! — храбрый! На него в тёмном переулке два хулигана напали, он одному — раз! Другому — раз! Всех раскидал!

— И я бы раскидал, — сказал Павлик. — Не побоялся бы я твоих хулиганов.

— Ой, держите меня, храбрец нашёлся!

Павлик открыл рот, чтобы возразить Люське, но в эту секунду с улицы донёсся резкий, истошный вопль:

— Андре-е-й! Выходи-и-и!

— Кто это? — как от тока, подскочила Люська и бросилась на балкон.

Внизу, на тротуаре, ярко освещённом солнечным светом, стояли двое одинаковых рыжих мальчишек с круглыми и розовыми, как морские раковины, ушами, в линялых ковбойках и потёртых джинсах и, задрав головы, вопили что есть мочи:

— Андррррре-е-е-й!!!

— Я вам покажу Андрея! — перевесилась через балкон Люська, и, если бы Павлик не схватил её за подол ситцевого платья, она рухнула бы прямо на близнецов. — Болваны какие! Людям поиграть не дают спокойно.

Близнецы перестали вопить, с невыразимым презрением поглядели на Люську и плюнули в разные стороны.

И тут из подъезда выскочил уже известный Павлику парнишка в полосатой майке и красной велосипедной шапочке.

— Привет, Петухи!

— Привет, Андрей! — басом сказали близнецы. — Что это за сыроежка там на балконе, не знаешь?

— Понятия не имею. Пошли, что ли?

— Пошли.

— Сами вы сыроежки! — закричала Люська. — Павлик, а куда это они? Смотри-смотри, к турнику подошли! Гляди, этот Андрей подтягиваться начал! Здо-о-рово!

— Раз, два, три... — принялись хором считать близнецы.

— Четыре, пять, шесть, — громко подхватила Люська. — А что это за девчонка подбежала? Сестра, что ли? Вот счаст-

ливая. Это брат так брат!.. Семь, восемь, девять, десять!.. Гигант! Слушай, а мы чего дома сидим? Они гуляют, а мы что, рыжие, что ли? Пошли во двор!

— Неудобно. Мы ведь не знакомы ни с кем.

— Подумаешь, не знакомы! А мы пуговицы возьмём! Они, как наши пуговицы увидят, сами знакомиться прибегут, вот увидишь!

Глава 9
Знакомство

Через несколько минут брат и сестра сидели в новом дворе на зелёной лавочке и раскладывали перед собой пуговицы.

— Не подойдут они, — волновался Павлик. — Зря мы, как дураки, пуговицы вынесли!

— Спорим! — сказала Люська и принялась вертеть перед собой пуговицу, громко приговаривая: — Ах, какие красивые пуговки! Ну прямо с ума сойти!..

При этом она краем глаза поглядывала на турник.

И было на что поглядеть! Андрей, как циркач, крутил на турнике «солнце». Братья-близнецы Петуховы следили за ним жёлтыми немигающими глазами, а тощая, длинная, как жердь, Светка даже тоненько повизгивала, прижав от волнения к щекам руки.

В общем порыве восторга никто не заметил ни Павлика, ни Люськи, ни пуговиц, от которых можно «с ума сойти».

— Ах, так?! — рассердилась Люська. — Ну, погодите! Сейчас я вам покажу! — И заорала, нисколько не стесняясь, в полный голос, как орут на рынке тётки в толстых ватниках: — ПУГОВИЦЫ!!! ПУГОВИЦЫ!!! САМЫЕ ЛУЧШИЕ НА СВЕТЕ ПУГОВИЦЫ!!!

— Перестань! Как тебе не стыдно! — горячо зашептал Павлик, но дело было сделано. Близнецы, Андрей и Светка, обгоняя друг друга, помчались к зелёной лавочке.

— Видал? — Люська толкнула локтем Павлика. — Гляди, чего сейчас будет!

— Ой, какие пуговки! — запищала Светка. — Какие хорошенькие! Где вы такие взяли? В магазине купили? Да?

В магазине?

— Тоже скажет — «в магазине»! — презрительно фыркнула Люська. — Разве та-

кие купишь? Это же старинные, царские, понимать надо! Они вот ему от прадедушки достались!

— Здорово! — загалдели близнецы. — Значит, у него прадедушка царь был? Царь у тебя прадедушка был? А ну сознавайся!

— Нет, — скромно сказал Павлик. — Мой прадедушка аптекарь был. А пуговицы просто так собирал. Хобби, понимаете?

— Даёт твой прадедушка! — сказал Андрей.

— Отличные пуговицы! — с уважением сказали братья. — А чего это на них утки какие-то нарисованы?

— Сами вы утки! Это орлы! Вот эти пуговицы на военных мундирах носили, а эти — на гражданских. Правда, Павлик? У моего брата, между прочим, лучшая коллекция на свете! Вот какой у меня брат. Понятно? Он теперь в вашем дворе будет жить.

— А ты?

— А я — нет.

— А как вас звать?

— Люська и Павлик.

— Павлик, а ты подтягиваться умеешь?

— Он всё умеет!

Павлик толкнул локтем Люську, но было поздно.

Ребята вскочили.

— Пошли на турник!

— Зачем?! — испугалась Люська.

— Как зачем? Подтягиваться!

Близнецы с Андреем схватили Павлика за руки и потащили к турнику.

Волей-неволей Павлику пришлось подпрыгнуть и ухватиться за холодную перекладину. Честно говоря, он никогда в жизни не подтягивался на турнике.

— Ра-а-з, — стали считать братья. — Два-а-а...

Люська вытаращенными от удивления глазами глядела на Павлика.

Огромным усилием воли Павлик подтянулся во второй раз... и вдруг силы оставили Павлика, тело налилось железной тяжестью, ослабевшие, непривычные к турнику пальцы сами собой разжались, и Павлик рухнул на землю, прямо в лужу под турником.

— Три! — пронзительно крикнула Светка, и все захохотали.

Весь перемазанный, грязный, Павлик сидел на земле и пошевелиться не мог от стыда.

Красная как рак Люська бросилась к нему.

— Вставай скорее! — с ненавистью зашептала она. — Говорила тебе, не ходи на турник! Тоже мне, мастер спорта нашёлся!

И Люська дёрнула Павлика за руку и принялась счищать с него налипший песок.

Близнецы и Светка помирали со смеху.

— Это тебе не в пуговки играть! — презрительно прищурился Андрей. — Трёх раз не подтянулся! Эх ты, Тефтеля!

— Тефтеля! Тефтеля! — задразнилась за Павликиной спиной Светка. — Пашка — Тефтеля!

— Тефтеля! Пашка — Тефтеля! — дружно подхватили братья.

Павлик, тяжело дыша, стоял перед Андреем. Андрей глядел на него и насмешливо улыбался.

— Ну, что же ты?! — волновалась Люська. — Дай ему как следует! Чего ты ждёшь?

Но у Павлика никогда бы не поднялась рука стукнуть улыбающегося человека! Он стоял и смотрел на Андрея, а Андрей спокойно смотрел на него.

— Жирная Тефтеля! Тощая Спица, Тефтелина сестрица! — завопила Светка.

И близнецы в один голос подхватили:

— Жирная Тефтеля! Тощая Спица, Тефтелина сестрица!

— Ах, вот вы как?!! — рассвирепела Люська. — Да сами вы... сами вы... знаете кто? Пошли отсюда, Павлик! Знать я их больше не хочу!

И Люська схватила Павлика за рукав и возмущённо потащила к дому.

— Светка-табуретка! Петухи-че-пу-хи! Андрей-балдей съел жареных детей! — выкрикивала она на ходу и грозила всем маленьким, крепко сжатым кулаком.

— Ха-ха-ха! — смеялись Светка и близнецы.

— Фу! — высунулся в окно Светкин дядя Дмитрий Ферапонтович. — До чего же некрасиво! Девочка, а какие глупости болтаешь! Плохо тебя родители воспитывали!

...Возле подъезда Люську с Павликом нагнал один из близнецов.

— Эй, вы свои пуговицы дурацкие забыли, — сказал он и сунул в руки Павлику ситцевый мешочек.

Дверь за Павликом и Люськой громко захлопнулась.

Глава 10
Павлик плачет

— Нахалы! — возмущалась Люська, взбираясь по лестнице. — Да если бы я знала, кто они такие, я бы не с пуговицами, а с револьвером вышла! Гады! Бессовестные! А ты тоже хорош! Не брат, а сплошное недоразумение! Его дразнят, а он молчит! Надо было самому дразниться, понял?

— Не надо, — тихо сказал Павлик.

— Почему? — удивилась Люська.

— Не хочу, — сказал Павлик, взглянул на Люську, и Люська прочла в его серых в зелёную крапинку глазах с рыжеватыми ресницами что-то такое, отчего только вздохнула и тихонько сказала:

— Дураки они, правда, Павлик?

...Павлик не помнил, как дошёл до квартиры. Не помнил, как открыл ключом дверь. В его ушах гремело ужасное слово «тефтели», глаза видели насмешливые лица ребят.

Молча стянул с себя Павлик куртку, молча отшвырнул ногой попавшегося на пути Тимофея, которого раньше не то что ногой, а и пальцем не трогал, вошёл в ванную, закрыл на щеколду дверь, открыл кран с водой, сел на стиральную машину и заплакал.

— Павлик! — затрясла дверную ручку Люська. — Ты чего закрылся? Открой сейчас же!

Но в это время в прихожей зазвонил телефон и голосом Люськиной мамы Лидии Сергеевны приказал Люське немедленно идти домой.

— Ты что, забыла, что мы в поликлинику идём? Сколько можно тебя ждать?!

— Пока, Павлик! — сокрушённо сказала Люська зелёной двери ванной комна-

ты. — Зря ты так! Мы ещё им отомстим, вот увидишь!

Глава 11
Разговор с Тимофеем

Павлик плакал. Горячая вода лилась из крана с громким шумом. Тимофей удивлённо и сочувственно глядел в щёлку двери круглыми глазами.

«Что с тобой? — будто хотел спросить Тимофей. — Чего ты ревёшь? Или подрался? Или обидел кто? Ты только скажи, я тому глаза выцарапаю!»

Слава богу, никто, кроме Тимофея, не видел, как ревёт Павлик! Что ж, можно и поплакать, если никто не видит. Ведь обида в самом деле велика! Поглядели бы мы, что с вами было бы, если бы вас Тефтелей прозвали! Да ещё на глазах собственной сестры! И главное, за что? Буквально ни за что!

Впрочем, с прозвищами всегда так. Их редко дают заслуженно. Прилепится какая-нибудь нелепая кличка к человеку, и так он и ходит, бедный, мучается неизвестно за что.

Тут на память нам приходит история про одну нашу знакомую. Эта знакомая рассказала как-то, что в детстве у неё тоже было прозвище.

Вышла она, будучи семилетней девочкой, во двор погулять, а в руках держала хлеб с повидлом, мама ей на дорожку дала. Увидали её дети с этим хлебом и недолго думая прозвали Повидлом. С тех пор, стоило ей выйти во двор, как все кричали в один голос: «Повидло! Повидло!»

Наша знакомая очень переживала и даже перестала гулять во дворе. Потом, правда, ничего. Выросла, поступила в институт, потом на работу, и Повидлом её давно уже звать перестали.

Однако мы отвлеклись.

К чести Павлика надо сказать, что плакал он недолго. Взял себя в руки, вытер глаза, выключил воду и сказал изо всех сил бодрым голосом:

— Люсь, я сейчас выйду. Я тут душ принял.

Павлик приоткрыл дверь. В ванную бесшумно вошёл Тимофей.

Люськи нигде не было. Значит, она ушла.

— Извини, Тимка, что я толкнул тебя, — сказал Павлик, беря кота на руки и утыкаясь лицом в его тёплую пушистую грудку. — Я не нарочно. Не везёт мне в жизни, понимаешь? Я думал, на новой квартире новая жизнь начнётся, а меня Тефтелей прозвали! Вот тебе и новая жизнь!

«Мур-р-р, не огорчайся, в жизни всякое бывает. — Тимофей потёрся головой о Павликин подбородок. — Пойдём лучше молочка выпьем, оно успокаивает. А насчёт турника не беспокойся. Турник — это пустяки. Ты, если захочешь, в два счёта научишься!»

Они пошли на кухню, попили там молока. Потом Павлик подошёл к окну и с треском захлопнул его.

— Ладно, они ещё увидят, какой я Тефтеля, правда, Тимк?

Тимофей вспрыгнул на подоконник, выгнул спину, выглянул во двор и грозно замяукал.

Глава 12
Снова дневник

На следующий день Павлик во двор не вышел, а мрачно слонялся по квартире.

В пуговицы он тоже не играл. Как только доставал, сразу вспоминал происшедшее, и на душе становилось тошнее тошного.

— Тефтеля, выходи! — кричали в окно братья Петуховы.

Павлик захлопывал форточку и задёргивал занавески. Ненавистное слово жгло душу. Нет, с таким прозвищем жить на свете нельзя, хоть застрелись!

Павлик покрутил головой, чтобы от него избавиться, достал дневник и стал писать.

8 июня.

Случилось непоправимое! Я вышел с Люськой погулять в новый двор, а они все на меня набросились и стали унижать. Что я им сделал? Я их не дразнил. Я вообще никого не дразнил в жизни, так почему ко мне вечно все цепляются? На этот раз мне дали такое ужасное прозвище, что даже повторить его не могу! В тысячу раз хуже, чем Помидор. Помидор — это хоть ясно почему, фамилия такая. Но почему Тефтеля? Разве я на тефтелю похож? Ничуточки!! А всё этот Андрей! И с чего я решил, что он хороший? Нет, такой «друг» мне не нужен. Я ни за что на свете не захочу теперь с ним дружить! Я вообще во дворе этом мерзком гулять больше не буду! Я совершу одну вещь! Я такое сделаю! Я сошью из простыни парашют и у них на глазах прыгну с крыши, пусть узнают, какой я Тефтеля! А с завтрашнего дня я по два часа буду ходить по набережной, выслеживать, вдруг кто тонет. И я его спасу! И мне дадут медаль «За спасение утопающих», и я её надену и выйду во двор. Посмотрим, что они тогда скажут! А ещё я буду подтягиваться на антресолях, и мускулы у меня станут круглые, как гири. Я подойду тогда к Андрею и так ему руку сожму, что он запищит о пощаде и попросит прощения. Но я его не прощу. Ни за что не прощу!

Глава 13
Ещё три записи в дневнике

11 июня.

Я уже несколько дней не гуляю. Мама спрашивает, почему я стал бледный. Говорю, нездоровится. Как я могу гулять, когда они всё время во дворе! Сегодня я наблюдал за ними в бинокль. Андрей гулял с собакой, немецкой овчаркой по имени Брут. Он вынес во двор коробку с заграничными значками и раздал близнецам и Светке. Они все напялили по три значка и через каждые пять минут бегали глядеться в зеркало. Люська бы лопнула от зависти.

Ещё он давал всем жвачки. Теперь они все ходят и жуют. Они его обожают.

Пробовал сшить парашют, но у меня ничего не вышло.

12 июня.

Люська уехала к бабушке в деревню, и не с кем даже поболтать по телефону. Скука! Сижу дома, хожу только в магазин.

Сегодня они разровняли кучу песку и стали прыгать, а Андрей их учил, как разбегаться и правильно подгибать колени. Сам он, конечно, прыгал дальше всех. Хоть он и гад, а замечательно прыгает! Наверно, он будущий мастер спорта по прыжкам. Эх, много бы я дал, чтобы научиться так прыгать, но я неспособный, никогда не научусь.

Может, я зря на него злюсь? Понятно, что я кажусь ему тефтелей. Честно говоря, по сравнению с ним я и есть тефтеля. И собака у него замечательная! У неё целых две медали! А у меня всего-навсего обыкновенный кот, да и тот без медалей. И вообще, его все уважают. Когда они прыгали, Светку стали звать домой, а она сказала: «Дядя Дима, я не

могу, нас Андрей тренирует». Тогда её дядя сел на лавочку и стал смотреть, а потом подошёл к Андрею, пожал ему руку и сказал: «Благодарю от общественности двора! Ты, молодой человек, хорошее дело делаешь, наших детей к спорту приобщаешь».

А вот я пока так ничего хорошего и не сделал. Вчера был на набережной и понял, что в такой грязной реке никто и купаться-то не станет, не то что тонуть. Эх, вот бы загорелся какой-нибудь дом! Я залез бы в горящее окно и спас из огня маленького ребёнка. Нет, лучше, пожалуй, с хулиганами в переулке встретиться, как Тоськи Тарелкиной брат.

13 июня.

Сегодня случилось вот что. Я пошёл в булочную и на обратном пути наткнулся на этих рыжих близнецов со Светкой. Они, как только увидали меня, сразу закричали:

«Тефтеля! Тефтеля!»

У меня внутри всё перевернулось, но я виду не подал, даже не взглянул на них. Тогда они подбежали совсем близко и закричали:

«Жирная Тефтеля, где твоя сестрица, тощая Спица?!»

Этого я уже не мог выдержать. Пусть уж меня дразнят, но Люську они безнаказанно дразнить не будут! Я выхватил из сумки батон и бросился на них. Но они оказались юркие, как ящерицы. Они хихикали и ловко увёртывались, не переставая на весь двор трещать свою отвратительную дразнилку. Я совершенно запыхался и выбился из сил, гоняясь за ними. Вдруг я услышал голос:

«Дети, прекратите дразнить мальчика! Как не стыдно!»

Я поднял голову. На балконе второго этажа стояла девушка. Лицо у неё было сердитое и очень красивое. Мне сразу стало легче оттого, что не все на свете вредные, а есть и благородные люди. Ведь девушка эта меня совсем не знает, а заступилась.

Ну когда же, когда я докажу всем, что я не Тефтеля?!! Я бы не побоялся никакой опасности, я бы на любой риск пошёл, только бы дело было какое-нибудь стоящее! Настоящее дело! Но где оно? Где? Ведь медлить больше нельзя ни минуты, ни секунды! Ведь скоро приедет Люська. Как же в глаза ей погляжу?

...В двери раздался звонок. Павлик быстро спрятал дневник и бросился открывать. Пришла с работы мама.

— Здравствуй, сынок, — сказала Марина Сергеевна, передавая Павлику сумку с яблоками и пакетами молока. — Чем занимаешься? Гулял сегодня?

— Гулял, — нехотя ответил Павлик.

— А почему вид у тебя зелёный? Такое впечатление, что ты целую неделю дома

сидишь... Сейчас поужинаешь и пойдёшь гулять, понял? И Тимофея захвати, ему тоже не вредно прогуляться.

И вот после ужина Павлик взял на руки Тимофея и с опаской вышел во двор.

Слава богу, гулять можно было спокойно. Дети разошлись по домам. Был вечер.

Часть вторая

«ЖИГУЛИ» В ТЁМНОЙ АЛЛЕЕ

Глава 1

Странный разговор

Да, во дворе был вечер. Плавно покачивались зелёные мохнатые ветки кустов смородины. На клумбах оглушительно пахли цветы. Первые чистые звёзды подмигивали сверху. Было удивительно тепло.

Павлик посидел на лавочке, поглядел, как в доме одно за другим зажигались окна. Потом разжал объятия и выпустил Тимофея.

Очутившись на воле, Тимофей немедленно исчез, стал шнырять где-то в кустах, очарованный вечерним теплом и одурма-

ненный ласковыми будоражащими запахами близкой ночи. Его нельзя было терять из виду: этот пройдоха так и норовил улизнуть. Ищи его потом, свищи!

— Тимка! Тимка! — позвал Павлик, но хитрый кот не отозвался. — Тимка! Тимка! Да где же ты?!

Павлик направился в темноватую глубь асфальтовой дорожки, в конце которой стояла зелёная машина марки «Жигули».

— Куда ты делся, хитрый чёрт? Под машину, что ли, залез?

Павлик обогнул машину, присел на корточки, нагнулся, всматриваясь в тёмную пустоту, и вдруг услышал рядом тихие голоса.

«В машине есть кто-то? — с удивлением подумал Павлик. — Странно... Свет выключен. Фары тоже... Что за интерес сидеть в темноте?»

Стёкла в «Жигулях» были опущены. Павлик невольно приблизился, голоса стали отчётливее.

— Нет, Старичок, никуда я завтра не поеду, — сказал один. — Устал. Работы много.

— Пожалеешь, Борода. Наши все едут, и шеф тоже, — пробубнил другой.

— Нет-нет, я уже решил. Лучше высплюсь хорошенько. А шефу — мой привет!

«Что это они друг друга называют «Старик», «Борода», а голоса совсем молодые?» — удивился Павлик и, заинтересованный, стал слушать дальше, хотя и понимал, что это не совсем, по правде говоря, прилично.

— Как знаешь, Борода! Тебе виднее, — снова пробубнил низкий голос.

В машине помолчали.

— Слушай, ну так где же она? — вдруг сказал первый голос. — Сколько можно ждать? Мы уже полчаса сидим!

— Не беспокойся, выйдет. Она в это время всегда с собакой гуляет. Сейчас убедишься, что я не зря за ней целую неделю охочусь. По-моему, это как раз то, что нам нужно.

— Охотишься целую неделю и до сих пор никакого результата? Не понимаю, что тебе мешает, Старик?

— Не выходит, Борода... Схватить не могу...

«Кого схватить? Зачем?..» — подумал Павлик, и у него почему-то неприятно засосало под ложечкой.

— Старик, ты же профессионал! В первый раз, что ли?

— Сам удивляюсь! Наверно, выдержка подводит! Понимаешь, солнце слишком яркое! Мешает!

— Ну знаешь, это смешно! Такой тёртый калач, и не можешь с выдержкой совладать! В тени лови, если солнце мешает.

— Пробовал, Старикан. Кругом люди — не подступишься! Ну ничего, она от меня не уйдёт, не волнуйся.

Глава 2
Девушка в джинсах

Павлик слушал этот разговор ни жив ни мёртв. Нехорошее подозрение холодной змейкой вползало в его грудь. Кто они? О ком говорят? Что за странные, зловещие намёки?

— Внимание, сейчас выйдет, — тихо сказали в машине, и в ту же секунду хлопнула дверь подъезда и женские каблуки гулко процокали по каменным ступеням крыльца.

— Она! Двигай!

Затарахтел мотор, машина медленно двинулась с места. Свет фар заскользил по асфальту, осветил рыжую таксу и спину высокой девушки в джинсах и поролоновой курточке. Девушка резко обернулась и зажмурилась от света. Машина поравнялась с ней, дверца распахнулась...

— Простите, девушка, далеко тут Сиреневый тупик? — раздался голос Старика.

— Налево, за углом, — сказала девушка, беспомощно щурясь.

Такса зарычала.

— Фу, Финдлей! — прикрикнула девушка.

В свете фар Павлик увидел тёмные чёткие брови, большие глаза, пряди длинных, заправленных за уши волос... Какое знакомое лицо! Так это же та самая девушка! Ну конечно! Как Павлик сразу её не узнал?

— Отличная у вас собака, — сказали в машине. — Хозяйку в обиду не даст! Спасибо, девушка. До свидания.

Дверца хлопнула. Машина уехала.

Глава 3
«Вечно вы что-нибудь придумаете!»

Машина давно уехала. А в ушах Павлика продолжали звучать странные зловещие слова: «Давно за ней охочусь», «В тени лови»...

Девушка с таксой гуляла рядом, как видно, ни о чём не догадываясь.

Что этим двоим от неё нужно? Зачем они за ней охотятся? Надо предупредить её немедленно! Скорее, скорее предупредить, пока не ушла!

Волнуясь, Павлик бросился к девушке.

— Извините, пожалуйста, мне нужно... Понимаете... я хочу вас... вам сказать одну вещь...

— Что? — подняла брови девушка.

Даже в темноте Павлик увидел, как она удивилась.

— Понимаете, я сейчас слышал... Вот эти, в машине, которые уехали... Ну, понимаете, это они притворялись, про тупик спрашивали, а на самом деле... на самом деле...

Такса снова заворчала.

— Перестань, Финдлей! — сказала девушка. — Что «на самом деле»?

— Они охотятся за вами! — выпалил Павлик. — Они хотят вас похитить!

Я сам слышал! Честное слово!

Тёмные брови девушки вспорхнули ещё выше.

— Что?!! Мальчик, ты в своём уме?.. Ах, извини, пожалуйста! Я не то хотела сказать! Просто уже поздно, и тебе, по-моему, давно пора спать! Иди-ка лучше домой.

— Я не хочу, — растерялся Павлик. — Я с котом гуляю.

— Ах, вот как? Ну, тогда знаешь, ты лучше всю эту ерунду выкинь из головы! Вечно вы, мальчишки, бог знает что придумаете!

Глава 4
«Что же делать?»

И Павлик пошёл домой.

Про Тимофея он совсем забыл. Кот сам попался ему по дороге, сидел, поджидая возле подъезда. Павлик взял тёплого кота на руки и стал подниматься по лестнице.

— Слушай, Тимка, — сказал он. — Может, мне и правда показалось, как ты думаешь?

«Мур-р», — сказал Тимофей и лапами обхватил Павлика за шею.

— Нет, не показалось! Я своими ушами слышал. Он так и сказал: «Я, говорит, хочу её украсть! Я за ней давно охочусь!» Вот честное слово, Тимка! Ты мне веришь?

Тимка молчал, только глядел зелёными глазами, и было непонятно, верит он или не верит.

— Что же делать, Тимка? Может, маме сказать? Да она ведь тоже не поверит. А то ещё всполошится, вызовет милицию. Ну, приедет милиция, а где машина? Машины и след простыл. Как теперь докажешь? Вот дурак, хоть бы номер запомнил!.. Эх, Люськи нет, посоветоваться не с кем!

Глава 5
Разговор с Люськой

Но едва Павлик переступил порог квартиры, зазвонил телефон.

— Павлик, привет, это я! — весело завопила телефонная трубка. — Я уже вернулась! Ну, как, эти дураки всё дразнятся?

— Люська, как хорошо, что ты приехала! Тут такое дело... Понимаешь, мне поговорить с тобой надо.

— Вот и говори! Ну?..

Павлик оглянулся, нет ли поблизости мамы, и понизил голос:

— Знаешь, Люська, тут одна странная история случилась...

— Какая?! Ой, ну скорее, скорее рассказывай!

— Представляешь, я гулял сейчас, а там в машине одни сидели. Они меня не видели, а сами разговаривали...

— Как интересно! — снова перебила Люська. — А о чём, а?

— Если ты меня всё время перебивать будешь, я не стану рассказывать!

— Ой, Павлик, не буду! Честное слово! Ну, скажи скорей, о чём они говорили?

— Они говорили, что украсть её хотят, — сказал Павлик зловещим шёпотом, от которого у Люськи мурашки побежали по спине.

— Кого украсть?! Машину?!!

— Да нет. Не машину. Машину бы ещё ничего... Они девушку хотели украсть.

— Де-е-вушку?!! Ой, Павлик, какую девушку, а? Я ничего не понимаю!

— Да-да! Одну девушку из нашего двора. Высокую такую. В джинсах. Они её схватить хотели и в машине увезти, только собаки испугались, она с собакой гуляла.

— Честное слово? Павлик, честное пионерское? Ты не врёшь?

— Клянусь! Они меня тоже могли в машину запихнуть, если бы увидали. Запросто в лес бы увезли! Но я всё равно не испугался! Я всё до конца дослушал. Они говорили, что давно бы её уже похитили, если бы выдержки хватило.

— С ума сойти! — ужаснулась Люська. — А ты маме говорил?

— Да она не поверит. Та девушка тоже не поверила. Говорит — ты не в своём уме. А я в своём. Я каждое слово слышал. Они на каком-то жаргоне говорили,

но я всё расшифровал. Как ты думаешь, Люська, кто они такие?

— Он ещё спрашивает! Конечно, преступники! А ты номер машины запомнил?

— Нет, не догадался.

— Ой, как же их теперь милиция разыщет?!

И тут что-то тихо кольнуло в сердце Павлика, и он даже побледнел слегка...

— Я сам их разыщу, — сказал Павлик. — Я их выслежу и эту девушку спасу. Я так решил. Я эту девушку знаю. Она заступилась за меня. Она хорошая.

— Да ты в своём уме?! Ты разве с ними справишься? Надо Владимиру Павлычу, участковому, сказать, он с моей мамой дружит!

— Справлюсь, — сказал Павлик. — Вот увидишь. Я о таком опасном деле давно мечтал!

— Ну тогда и я буду! — загорелась вдруг Люська. — Я тоже хочу преступников ловить! Давай вместе, а?

— Нет, вместе нельзя, — твёрдо сказал Павлик. — Дело очень опасное...

— Павлик, хватит по телефону болтать, — сказала мама, входя в комнату. — Пора спать ложиться!

— Пока, Люська, — тихо сказал Павлик. — Только смотри не говори никому. Это наша с тобой тайна.

— Ладно, — прошептала Люська. — А здорово ты придумал! Вот Нинка Петрова завидовать будет, если ты их поймаешь!

Павлик положил трубку и достал дневник. Вот что он там написал:

«Мне повезло! Ура, какое счастье! Витя Кукушкин одного преступника поймал, а я сразу двоих поймаю! Все поймут, наконец, кто я такой!»

— Павлик, почему у тебя горит свет? — донеслось из соседней комнаты. — Немедленно потуши и спи!

«Сейчас войдёт!» — испугался Павлик и быстро сунул дневник под подушку.

Потом нажал на кнопку настольной лампы, вздохнул и повернулся на бок.

Глава 6
Сон Павлика Помидорова

Всю ночь беспокойно ворочался на постели Павлик.

В туманных, неясных обрывках дрёмы грезились ему какие-то гнусные мошенники в

меховых лисьих шубах и блестящих чёрных цилиндрах. У одного в руках была сабля, у другого из-за пазухи выглядывал пистолет.

Кривляясь и злобно ухмыляясь, они крались друг за другом по бесконечным полутёмным залам с натёртыми до блеска полами. В залах висели ковры и картины, на полках стояли вазы и самовары, и Павлик понял, что это музей.

Лифтерша тётя Катя дремала в углу на табуретке. Мошенники скрутили ей руки, сунули в рот огромную ириску.

«Караул!» — хотела закричать тётя Катя и превратилась в Павлика.

«Караул!» — хочет крикнуть Павлик, но ириска залепила ему рот, склеила зубы. А мошенники, мерзко захохотав, подскочили к тёмной стене, на которой висела закрытая занавеской картина.

«Вот она! Я давно за ней охочусь!» — заорал один и сдёрнул занавеску.

На картине улыбалась старинная дама с розой в руках, в кружевном жабо и в поролоновой курточке. На шее у дамы блестело ожерелье из пуговиц.

«Тебе показалось, — качала она головой. — Вечно вы, мальчишки, бог знает что придумаете!»

Но мошенники не дали ей договорить. Они сдёрнули картину со стены и потащили её по Краснобаррикадному переулку.

Павлик хотел броситься за ними, но откуда-то выскочил Финдлей и стал громко лаять.

А мошенники удалялись. Один из них повернулся, скорчил рожу и сделал Павлику нос.

«Иди-ка ты лучше спать! — крикнул другой. — Эх ты, Тефтеля!»

«Тефтеля! Тефтеля!» — захихикала дама в прореху пальто.

«Да! Да! Да!» — лаял Финдлей.

Глава 7
Человек в кустах

Только под утро заснул Павлик крепким сном.

Проснулся он, как ни странно, лёгким и весёлым.

«Что-то мне снилось, — вспомнил он. — Какая-то чепуха: машины, преступники...»

Мама уже ушла на работу. На столе лежала записка: «Не могла тебя добудиться. Ешь винегрет, пей какао». Павлик раздёрнул занавески, распахнул окно.

Был уже почти день. Яркое солнце заливало сквер перед домом. На деревьях трещали воробьи, в песочнице рылись дети.

Братья Петуховы вместе со Светкой прыгали в классики. Рядом на лавочке сидела светловолосая девушка. Наклонив голову, она что-то чертила прутиком на земле. Вот она подняла лицо и задумалась...

О-о-о-о!

Павлик разом всё вспомнил! Вечер. Зелёные «Жигули».

Зловещий разговор. Девушка с таксой.

В сильном возбуждении схватил Павлик с полки серванта маленький, театральный, украшенный перламутром бинокль и стал бешено крутить окуляры.

Окуляры заскользили по земле, по деревьям. В них попали веснушчатое лицо Тольки Петухова, нарисованные на земле мелом классики, Светкино голубое платье... Но всё это сейчас ни при чём. Павлику нужна девушка! Только она!

Так. Вот её лицо. Видно отлично, каждую чёрточку.

Кто же она такая?

Собственно говоря, девушка как девушка. Красивая, но, в общем, ничего особенного. Вот только взгляд очень серьёзный, у девушек редко такой бывает.

А что она там чертит на земле? Какие-то линии, треугольники... Посмотрит в книгу на коленях и чертит. Снова посмотрит и снова чертит... Вот формулы начертила, какие-то буквы, знаки. Жаль, видно плохо. От большого куста слева падает на землю густая тень...

«Постой-ка, постой! — вдруг сказал сам себе Павлик, и сердце его гулко заколотилось. — А что это там, в кустах, за тёмно-коричневое пятно? Да-да, в самой серёдке?»

У Павлика перехватило дыхание, высохло в горле. В кустах кто-то прятался!

Павлик чуть не выронил бинокль, но тут же принялся изо всех сил крутить окуляры, наводя их на кусты.

Да! Так и есть! В кустах прятался человек!!!

Скрючившись, согнувшись в три погибели, он стоял на одном колене и держал в руках какой-то чёрный предмет.

Вот он поднял предмет к глазам... Фотоаппарат! Он целился в девушку из фотоаппарата! А девушка сидела рядом, водила глазами по строчкам, чертила прутиком по земле и ничего, ровным счётом ничего не замечала!

Павлик опустил бинокль и вытер вспотевший лоб.

Сомнений не оставалось.

Девушке грозила опасность.

Глава 8
Шустрые гусеницы

Недолго думая Павлик схватил первое, что попалось ему под руки (а под руки попался сачок для бабочек), и бросился во двор.

Низко пригибаясь и осторожно перебегая от дерева к дереву, он стал приближаться к кустам, в которых прятался неизвестный. Судя по всему, это был один из тех, вчерашних. Павлик отчётливо видел его спину в коричневом клетчатом пиджаке.

Сделав ещё шага два, Павлик тихонько присел за кустом.

«Если он меня заметит, притворюсь маленьким и глупым, навру чего-нибудь», — решил он.

Сквозь ветки Павлику было хорошо видно задумчивое лицо девушки. Она сидела вполоборота и, положив ногу на ногу, что-то писала в тетрадке.

Неизвестный, опустив фотоаппарат, пристально на неё смотрел. Потом нагнулся, щёлкнул. Осторожно отодвинул ветку, щёлк-

нул ещё раз. Потом выкрутил из фотоаппарата какую-то длинную трубу, снова прицелился и щёлкнул.

Павлик сидел на корточках затаив дыхание. Букашка ползла по его шее, было очень щекотно, но он терпел. Вдруг ветка под его ногой хрустнула! Неизвестный резко повернулся, и глаза его встретились с глазами Павлика. В них зажёгся злобный огонь.

— Что ты тут делаешь? — спросил он грубым сдавленным голосом.

— Я, дяденька, гусениц ловлю, — запинаясь, ответил Павлик. И принялся для виду хлопать сачком по земле.

Неизвестный усмехнулся.

— Шустрые, видно, у тебя гусеницы, — сказал он. — Знаешь что, приятель, пойди-ка поищи их в другом месте! Ты мне мешаешь, понял?

— А что вы, дяденька, делаете? — спросил Павлик с самым дурацким видом (уж он постарался!). — Вы воробьёв фотографируете, да?

Неизвестный фыркнул. Подумал, наверное, что Павлик кретин какой-нибудь.

— Угадал! Ну, иди-иди, тебе же сказали!

Вид у него был зловещий. Чёрные лохматые волосы торчали во все стороны. На голове еле держалась щеголеватая замшевая кепчонка. Он пристально глядел Павлику в глаза, как будто хотел просверлить его насквозь. Честно говоря, Павлику стало не по себе. Он хотел уже уйти, как вдруг Лохматый скомандовал:

— А ну-ка, стой! — поднял фотоаппарат и сфотографировал Павлика.

После этого, как тигр, выпрыгнул из зелёной гущи и исчез в доме №12.

Глава 9
«Жди на трубе!»

Лихорадка била Павлика.

Подождав минуты две, с тяжело колотящимся сердцем Павлик направился следом.

Лифт дома №12 гудел. На табло светилась кнопка десятого этажа.

«На десятый поехал», — понял Павлик.

И, плохо соображая, что делает, пешком бросился на десятый. На десятом было четыре двери.

Отдуваясь, смотрел Павлик по очереди на все четыре. Одна обита чёрной клеёнкой, другая — с какими-то кнопками посередине, третья — с фамилиями жильцов, четвёртая... Возле четвёртой лежал смятый половик. Похоже было, что кто-то только что вытер ноги и вошёл.

Павлик подкрался на цыпочках. За дверью явственно бормотало радио. Павлик глянул в замочную скважину. Полный мрак. Нет, Лохматый вошёл не сюда...

И как только подумал это Павлик, дверь распахнулась, будто угадав его мысли и насмехаясь над ним, и Павлик нос к носу столкнулся с Лохматым!

От неожиданности оба отпрянули.

На сей раз на Лохматом был не клетчатый пиджак, а длинный ярко-жёлтый домашний халат. За спиной его царила кромешная тьма, только где-то в глубине квартиры слабым светом мерцал маленький красный огонёк.

— Слушай, да, никак, это опять ты? — подозрительно вглядываясь в Павлика, прогудел Лохматый. — Всё гусениц ловишь?..

И вдруг схватил Павлика за плечо:

— Скажи-ка, брат, честно, что ты ко мне привязался? Чего тебе надо, а ну говори! А впрочем, зачем здесь стоять? Входи!

«Конец!» — подумал Павлик и пошатнулся.

Да, мы не знаем, не знаем мы, чем кончилась бы для Павлика эта неприятная история, если бы... Видно, родился он на свет в счастливой сорочке, ибо в самую критическую минуту, в ту минуту, когда Павлик, закрыв глаза, уже прощался с жизнью, в тёмной прихожей Лохматого, рядом с его ухом, где-то справа и чуть

выше от него, резко и пронзительно зазвонил телефон.

Лохматый выпустил Павликино плечо и схватил трубку.

— Алло! — закричал он. — Это ты, Борода? Да, завтра жди меня на Трубе! Ровно в шестнадцать!

Это Павлик успел услышать, изо всех сил улепётывая вниз по лестнице.

Глава 10
Второе появление Люськи

Ах, как хорошо было на улице! Какое ласковое, весёлое светило солнце!

Какие нежные зелёные листья трепетали на деревьях! Какие белые облака бежали по небу!

Как звонко, истошно, как беспечно и отрадно для уха чирикали на ветках воробьи!

Какой душистый прохладный ветерок остужал разгорячённое от пережитого волнения Павликино лицо!

Хорошо было оказаться снова в сквериќе, среди толстых малышей, уютных старушек, порхающих белых бабочек и нежного запаха растений!

Вон на лавочку присела тётя Катя.

А она, оказывается, симпатичная! Какой у неё смешной острый нос! И она, наверное, не вредная. Сидит себе, жмурится на солнышке.

А вон какой малыш славный! Толстый, важный. Как здорово он набирает полный совок песку и как отважно сыплет его на голову приятелю!

А вот и прутик, которым чертила девушка. А где она сама? Ушла.

Что же всё-таки она чертила?

«Сейчас успокоюсь и посмотрю», — сказал себе Павлик.

Ещё целую минуту он просидел на лавочке с закрытыми глазами, наслаждаясь после зловещего мрака подъезда светом и теплом и чувствуя, как перестают дрожать у него руки. Потом, окончательно успокоившись и убедившись, что ничего не может угрожать ему в этом залитом солнцем сквере, пересел на девушкино место и стал внимательно всматриваться в знаки, оставленные на земле.

Что же это такое? Что значат эти линии и треугольники?

Похоже на чертёж. Что она чертила? Может, какой-нибудь план?

А вдруг сейчас подбегут близнецы со Светкой и будут дразниться? Ну и пусть дразнятся, наплевать! Им нипочём не догадаться, чем занят сейчас Павлик, о чём думает? Да пусть даже сам Андрей подойдёт и будет глядеть с насмешливой, презрительной улыбкой. Пусть улыбается! Посмотрим, что он скажет потом! Как потом будет улыбаться!

Павлик поднял голову. Над двором понеслись странные пронзительные звуки, как будто кто-то огромным гвоздём царапал по железу.

На балконе четвёртого этажа стояла неизвестно откуда взявшаяся Люська и залихватски размахивала смычком над маленькой жёлтой скрипкой.

— Привет, Павлик! — замахала смычком Люська. — Подожди меня, я сейчас выйду!

Через минуту, тяжело отдуваясь и обмахиваясь скрипкой, она сидела рядом с Павликом.

— Куда ты делся? Я тебя всё утро жду! Мы вместе с мамой приехали! И скрип-

ку с собой привезли, мама заставила. Нахальство, даже летом отдохнуть не дадут! Не представляешь, как мне эти гаммы надоели! Хоть бы они провалились!..

Люська сунула скрипку под мышку и в упор поглядела на Павлика:

— Ну, как у тебя дела? Ты ещё не выследил их?

— Пока не могу сказать, — попытался уклониться Павлик.

— Как это «не могу»?! А ну, говори сейчас же, а то я прямо тут на скрипке играть буду!

Люська придвинулась к Павлику и подставила ухо. Глаза её, как две лампочки, загорелись жёлтым огнём любопытства.

— Ну?! — нетерпеливо сказала Люська.

— Я у него дома был, — прошептал Павлик. — У самого главного! Он меня чуть не убил. Мы с ним целый час боролись!

Люська открыла рот и вытаращила глаза.

— Врёшь!

— Честное пионерское! Меня только счастливый случай спас! Ему другой по-

звонил, и он меня выпустил. Они условились на какой-то трубе встретиться...

— На какой ещё трубе?!!

Но Павлик не успел ответить.

— Эй, Тефтеля со Спицей, чего сидите, прохлаждаетесь? — услышал он. — У нас субботник, а они тут балалайками машут!

Перед Павликом и Люськой стояли Андрей — руки в карманы — и братья Петуховы с лопатами через плечо. Андрей усмехался. Носы братьев, покрытые тяжёлыми веснушками и лёгким загаром, высовывались из-под низко надвинутых газетных треуголок.

— Идёмте ямы копать! — сказал Андрей. — Физический труд полезен для здоровья.

— Вот ещё! — скорчила гримасу Люська. — Делать нам нечего! Сами дразнитесь, сами и копайте!

— Лю-ю-ся-а-а... — донеслось из окна Павликиной квартиры. — Немедленно домой!

— Пристала! — раздражённо сказала Люська. — Сейчас скандал устроит из-за скрипки! Ну ладно, я пошла, потом мне всё расскажешь, ладно, Павлик?

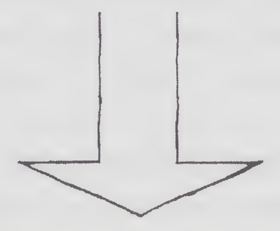
Глава 11

Следующая запись в дневнике

Пока Люська пиликала на скрипке, Павлик закрыл дверь на щеколду и сразу же принялся писать в дневнике.

«Да, я не ошибся! Это то самое, о чём я мечтал! Я эту девушку спасу от преступников. Один скрывается в доме двенадцать, квартира тридцать четыре. Он, наверно, эту квартиру специально снял, чтобы за девушкой следить. У него окна чем-то плотным и тяжёлым занавешены, чтобы соседи не подглядывали!

Обязательно пойду за ним на трубу! Но как это сделать? Если он меня в третий раз увидит, мне несдобровать! Надо быть очень хитрым и осторожным, иначе всё сорвётся!»

Глава 12
«Вот это работа!»

Павлик кончил писать и поднял голову.

«Всё-таки нехорошо, что я на субботник не пошёл! — подумал он. — Ну, Люська, понятно, она на скрипке занимается, а я? Надо пойти покопать немного... Пусть дразнятся, постараюсь не обращать внимания».

Он надел куртку и вышел во двор.

Андрей чертил мелом на земле большие круги.

— А, Тефтеля, пришёл? Вот тебе лопата, держи!

Стараясь не смотреть Андрею в глаза, Павлик взял протянутую лопату.

Деловитой походкой, с длинными тощими саженцами в руках подошёл Дмитрий Ферапонтович Волков в жёлтой соломенной шляпе.

— Работайте, ребята, работайте, — озабоченно сказал он. — Смотрите, чтобы всё в срок было. Тебя, Андрей, назначаю ответственным.

Андрей кивнул. Дмитрий Ферапонтович удалился, обмахивая лицо жёлтой шляпой.

— Вы, Петухи, копайте здесь, — сказал Андрей. — А ты, Светка, здесь. Тефтеля пусть копает с тобой. А я буду вот тут копать. Эх, жаль только, завтра у меня тренировки на корте! Как бы руки не загрубели!

— Да ты не копай, Андрей! — вскричали Петухи. — Брось! Мы сами всё вскопаем!

— Конечно! — воскликнула Светка. — Не копай, Андрюш, а то ещё соревнование не выиграешь!

И все стали копать, а Андрей ходил и следил, как копают.

— Петухи, крепче лопату держите! Светка, ты чего по сторонам вертишься?

— Ну, дети, как дела? — послышалось издали.

Андрей оглянулся и увидел быстро приближающегося Дмитрия Ферапонтовича.

— Тефтеля, как ты лопату держишь?! Прямо смотреть смешно! — воскликнул Андрей, взял у вспотевшего Павлика лопату, скинул с себя майку и стал копать сам.

Загорелая спина Андрея мерно сгибалась и разгибалась. Рыжая рассыпчатая кучка земли быстро росла рядом.

Все прекратили работу.

Невозможно было не залюбоваться мускулистой Андреевой спиной и сильными руками, крепко сжимавшими лопату.

Раз! Раз! Раз! — сгибался и разгибался Андрей.

— Вот это работа! — восхищённо покачал головой Дмитрий Ферапонтович. — Учитесь, дети, как работать надо! Хвалю, Андрей! От общественности двора хвалю!.. Ну, продолжайте в том же духе, я пошёл, — и зашагал в другой угол двора, где трудились взрослые.

— Нá, — сказал Андрей, разгибаясь и отдавая лопату Павлику. — Продолжай в том же духе!

Он надел майку, поправил на ней заграничный значок, пригладил волосы...

— Светка, ты почему не работаешь? Хватит прохлаждаться. Петухи, давайте за дело! — весело покрикивал Андрей.

— Ну какой ты способный, Андрюш! Всё-то ты умеешь лучше всех! — вздохнула Светка и взялась за лопату.

Через час всё было вскопано.

— Молодцы! — похвалил Дмитрий Ферапонтович. — Только не расходитесь, погодите одну минуту!

Вынул фотоаппарат «Смена», велел Андрею встать посередине, по бокам поставил братьев Петуховых, Светке велел встать на одно колено, позади Тольки Петухова поставил Павлика, скомандовал:

— Улыбнитесь! — и всех сфотографировал.

Глава 13
«О чём ты думаешь?»

И вот вечер. Сёстры Марина и Лидия Сергеевны хлопочут у стола, ставят на него торт, яблоки и чашки, а Люська сидит рядом с Павликом на диване и ноет:

— Ма-а-м, ну можно, я не буду менуэт играть? Надое-е-ло мне!

— Обязательно сыграешь! — строго говорит Лидия Сергеевна.

— Давайте лучше чай пить, торт засохнет!

— Не засохнет. Если не хочешь менуэт, сыграй мазурку. Ах, Мариночка, это такая чудная мазурка! Христофор Матвеич, Люсенькин преподаватель, сказал, что в ней сквозит тоска композитора по далёкой родине.

— «Сквозит, сквозит»! — пробурчала Люська и принялась с таким остервенением водить смычком по скрипке, что всем поневоле стало жаль бедного композитора.

Но Павлик скрипку не слушал. Взгляд его был туманен. Он глядел на торт, а видел скрючившегося в кустах человека.

В ушах его звучали не пассажи мазурки, а зловещий вечерний разговор.

— О чём ты думаешь? — толкнула его в бок Марина Сергеевна. — Павлик, проснись!

Нет, Павлик не спал. Он думал о завтрашнем дне. Завтра, да, завтра он должен узнать, что это за люди, что они задумали? Завтра он — кровь из носу — должен побывать вместе с ними на какой-то непонятной, таинственной трубе...

Глава 14
Павлик рассказывает о своих планах Люське

И наконец Люська кончила пиликать на скрипке, все попили чаю и сёстры ушли на кухню обсудить свои личные дела. Павлик с Люськой остались одни.

— Ну, — сказала Люська, в упор глядя на Павлика, — рассказывай, что это за труба такая!

— Да нечего мне рассказывать! Я и сам ещё ничего не знаю!

— Не ври! — закричала Люська. — Ты просто скрываешь от меня, я же вижу!

— Да честное слово! Вот пойду за ним и узнаю.

— Да как же ты пойдёшь? Этот Лохматый тебя уже как свои пять пальцев знает!

— А я всё придумал! — воскликнул Павлик, ибо в эту самую минуту, именно в эту самую минуту, гениальная догадка стукнула ему в голову. — Я переоденусь!

— А лицо?

— Маску надену, — сказал Павлик.

— А где ты её возьмёшь, маску?

— Сейчас увидишь.

Глава 15
Маска старичка

С треском распахнул Павлик двери кладовки, так что штукатурка посыпалась со стен, и принялся вышвыривать с полок в коридор чемоданы и корзины, в которых хранился разный ненужный хлам — старые пиджаки, стоптанные ботинки и сломанные игрушки.

Воспользовавшись тем, что увлечённые беседой мамы закрылись в кухне, он вывалил содержимое чемоданов на пол, и скоро в коридоре образовалась большая куча, из которой высовывались рукава, подошвы, велосипедные спицы и плюшевые медведи всех мастей и оттенков.

На глазах у изумлённой Люськи Павлик погрузился в кучу и извлёк из неё розовый нос, к которому были прикреплены жёсткие желтоватые усы из мочалки и

оправа от очков с густыми нависающими бровями, тоже жёлтыми и тоже из мочалки.

Вместо волос у маски была шёлковая, розового цвета шапочка, очень похожая на лысину, с пучками волос по краям.

Встряхнув маску так, что у неё наполовину отклеилась бровь, Павлик бросился в ванную, и через секунду из ванной в коридор выскочил маленький старичок в очках, с большим розовым носом и розовой лысиной.

Старичок подбежал к кладовке, выхватил из кучи барахла полосатый пиджак с толстыми ватными плечами и мятые клетчатые брюки и быстро их надел.

После этого старичок удовлетворённо погляделся в зеркало в прихожей и крикнул тонким Павликиным голосом:

— Пусть теперь он попробует меня узнать! Пусть только попробует!

— Здорово! — только и прошептала Люська.

Часть третья

СТАРИЧОК В КЛЕТЧАТЫХ БРЮКАХ

Глава 1
«Эй, папаша!»

16 июня 197... года по тихому и безлюдному переулку двигался худенький старикашка в старомодном пиджаке в полосочку. Пиджак был старикашке великоват. Ватные плечи разъезжались, рукава болтались — вид был странный.

Мышиного цвета клетчатые брюки были закатаны снизу, очевидно, чтобы не мешать при ходьбе.

Старичок шёл в кедах. Вёл он себя тоже странно. Он то горбился и продвигался вперёд маленькими неровными шаж-

ками, то делал огромные прыжки и прятался в подворотнях, осторожно высовывая оттуда круглую розовую голову, а затем выскакивал из подворотни и, почти пригнувшись к земле, перебегал от липы к липе.

Со стороны могло показаться, что этот старичок не совсем нормальный. Но никого не было в переулке в этот час, кроме одного человека в чёрном кожаном пиджаке, который шёл далеко впереди. И никто не смотрел на старичка, разве что рыжая

дворняжка, которая следовала за ним по пятам.

Сначала, когда старичок, резво разбежавшись, сделал огромный скачок через лужу, дворняжка удивилась и принялась громко лаять. Тогда старичок мигом укрылся в подворотне, и долго махал на дворняжку руками, и чесал у неё за ухом, пока дворняжка не успокоилась.

Звали этого старичка, как вы уже догадались, Павлик Помидоров. Он шёл по пятам за Лохматым.

А Лохматый об этом и не подозревал.

Засунув руки в карманы и легкомысленно насвистывая, шёл он, не торопясь, по переулку.

Один раз наклонился, погладил кошку.

Один раз подкинул камешек на дороге.

Ну конечно, это был преступник неопытный. Сами посудите, преступное ли дело гладить кошек, насвистывать и подбрасывать ногой камешки? Впрочем, мы забываем. Ведь он наверняка притворяется. Хочет казаться обыкновенным парнем.

Вдруг он остановился и извлёк из кармана пачку сигарет. Сунул сигарету в рот, похлопал себя по карманам — спичек не оказалось. Он обернулся, посмотрел, не

найдётся ли у кого-нибудь прикурить, но никого не увидел, кроме щуплого старикашки, шествующего в некотором отдалении.

Лохматый стал ждать, когда старикашка подойдёт поближе, но тот встал как вкопанный.

— Эй, папаша! — крикнул Лохматый. — Прикурить не найдётся?

«Папаша» не ответил.

— Странный старикан, — вполголоса произнёс Лохматый, и тут вдруг старичок повернулся вокруг своей оси на сто восемьдесят градусов и весьма резво для своих лет побежал вниз по переулку.

«Ненормальный какой-то!» — удивился Лохматый.

Глава 2
Музыкальная подворотня

Павлик домчался до газетного киоска и, тяжело дыша, огляделся.

Лохматого в переулке не было.

«Дурак я, чего побежал? Ведь он за мной не гнался! — подумал Павлик. — Ну остановился, ну повернулся, хотел спросить что-нибудь... И чего я решил, что он меня узнал? Ищи его теперь!»

И он бросился назад.

— Вот это дедушка! — Киоскёрша перевесилась через прилавок и долго глядела Павлику вслед. — Даёт класс! Небось бывший чемпион!

Павлик промчался вверх по переулку, завернул за угол и с облегчением вздохнул: впереди шагала знакомая фигура.

Лохматый перешёл на другую сторону улицы, остановился у двухэтажного голубого облупленного дома и оглянулся.

Павлик быстро присел на корточки, сделал вид, что у него развязался шнурок. А Лохматый наклонился к пыльному подвальному окну и свистнул.

Никто не откликнулся.

Тогда Лохматый осторожно концом ботинка постучал три раза в окно. И тут же с треском отворилась форточка, и негромкий мужской голос что-то спросил.

— Это я, — сказал Лохматый. — Открой! — И, обогнув дом, скрылся в проходной арке.

Павлик последовал за ним.

Посередине арки красовалась огромная лужа. Лужу окаймляли зелёные баки

с помойкой. На баках царственно восседали кошки. Увидев Павлика, одна из них коротко взмяукнула. Бац! — Павлик поскользнулся на апельсиновой корке и, падая, ударил рукой по сиденью огромного дивана, перетянутого материей в мелкий серый цветочек, с зияющей дырой в самой середине.

Диван оживился и загудел всеми своими пружинами, как орган в консерватории.

«Мяу!» — душераздирающе откликнулась зловредная кошка.

«Мяу-у-у!» — подхватила другая.

«Мяу-у-у! Мяу-у-у!» — завыли все остальные.

Павлик встал, отряхивая с себя прилипший газетный лист и потирая ушибленную ногу.

«У-у-у...» — выли диванные струны.

«Мяу-у-у...» — орали кошки.

Безмолвная подворотня ожила. Она как будто только и ждала Павлика, чтобы устроить ему этот концерт. Как будто долго сдерживалась и теперь, наконец, в полную мощь проявляла свои музыкальные способности.

Павлик заткнул уши. Он давно бы уже выскочил во двор, но что ему делать со

своей ушибленной ногой и с этой лужей, которая простиралась между ним и Лохматым?

Под постепенно угасающий кошачедиванный концерт Павлик долго и зло глядел на лужу, из-за которой срывалось великое дело.

Но тут в подворотню вбежал рыжий мальчишка, и всё стало на свои места.

— Дедушка, вы через лужу перепрыгнуть не можете? — сказал мальчишка. — А вы на неё доску положите...

И через секунду, с честью одолев проклятую лужу, Павлик ступил во двор.

Глава 3
Двор

Вот что представилось Павликиным глазам.

Маленькое тощее деревце красовалось в левом углу хорошо заасфальтированного двора. Рядом с деревцем висела вывеска: «Контора ЖЭК №12». Под вывеской стояла облупленная скамейка, рядом — детская коляска.

Куча голубей с гулким гульканьем кружилась по асфальту, подбирая заботливо рассыпанные чьей-то рукой зёрна. Справа в подъезд вела открытая коричневая дверь, из неё тянуло прохладой и подгоревшими котлетами.

К этой двери Павлик и направился после недолгого размышления. Он справедливо рассудил, что то окно, в которое стучал ботинком Лохматый, вряд ли могло принадлежать конторе ЖЭКа.

Глава 4
Павлик спускается в подвал

Итак, с волнением ступил Павлик на первую ступеньку лестницы, уводящей в глубокий полутёмный подвал.

Три кошки прыгнули одна за другой из-под его ног в разные стороны.

Ступенька. Ещё ступенька. Ещё... и ещё... Лестница казалась бесконечной. Чем глубже уходила она, тем сильнее тянуло снизу плесенью и кошками.

Тусклая электрическая лампочка еле освещала щербатые ступени, на стенах выступали мокрые пятна. Никаких звуков, кроме стуков собственного сердца, чуткое Павликино ухо не улавливало.

Один раз ему, правда, показалось, что кто-то зашевелился в самом низу, и он совершил гигантский прыжок вверх, сразу через десять ступенек, но тревога оказалась напрасной, и, поборов страх, Павлик принялся спускаться снова.

Отдадим ему должное — Павлик вёл себя как герой. Спуск его по незнакомой тёмной лестнице, где опасность подстерегала на каждом шагу, мог сравниться только с восхождением отважного альпиниста на сияющую вершину, когда с каждым шагом всё круче становится тропинка, всё чаще скатываются из-под ног камни, всё разрежённее становится воздух, и дышать всё труднее, и сердце колотится всё чаще, и кружится голова, и подгибаются колени, и только гордое сознание собственной отваги ведёт тебя вперёд.

И вдруг Павлик вздрогнул и остановился. На сей раз ему не показалось. Он отчётливо услышал какой-то тихий отдалённый звук.

Павлик стоял, вцепившись в деревянные перила, и напряжённо вглядывался в подвальную темноту. Сомнений не было. Он слышал плач.

Глава 5
Девочка на лестнице

Плач был тихий, тоненький. Где-то в глубине подвала плакал ребёнок.

Павлик окаменел, он стал само внимание, сам слух. Он сверлил глазами темноту. Пальцы, сжимающие перила, побелели.

Плач не унимался, стал даже громче. Кто-то горько всхлипывал в самом низу.

Но нет, погодите, внизу ли? Не ошибся ли Павлик? Да, совершенно определённо, плач доносился не снизу, из подвала, а, наоборот, сверху, с лестницы.

Кто же там плачет?

Павлик торопливо поднялся по лестнице и вот что увидел.

На деревянной лестничной ступеньке на втором этаже сидела и плакала какая-то девчонка. На вид девчонке можно было

дать года четыре. Одета она была в полосатую коричневую пижаму, на ногах — огромные взрослые шлёпанцы. Щека у девчонки была перевязана толстой косынкой, из-под косынки выбивалась вата.

Одной рукой девчонка размазывала по лицу слёзы, другой прижимала к себе тощего рыжеватого котёнка. Котёнок глядел мутными глазами и тоненько пищал.

— Ты чего здесь сидишь? — спросил Павлик, с удивлением оглядывая зарёванную девчонку, ободранного котёнка и му-

сорное ведро, возле которого валялись картофельные очистки.

Девочка перестала реветь, уставилась на Павлика круглыми, как пуговицы, глазами, а потом заревела снова:

— Я дверь закры-ы-ла...

— А ты постучи, тебе откроют!

— Не откро-о-ют... Мама на работу ушла, а папа тоже на рабо-о-те.

— Что же они тебя одну бросили?

— Они не бро-о-осили. Мама дома была, а ей по телефону позвонили, что у неё аравия на работе. Вот она и ушла-а-а...

— Какая ещё аравия? Авария, что ли?

— Да-а-а.

— Ну хорошо, а как ты на лестнице-то очутилась?

— Тут котёночек мяукал, я на него посмотреть вышла, а дверь наша закры-ылась.

— А почему у тебя щека перевязана?

— Потому что у меня сви-и-ин-ка, — сказала девчонка и заревела ещё сильнее.

— Тише! — испугался Павлик, сообразив, что она разгонит своим рёвом тех, в подвале. — Хватит реветь! Давай лучше соседям позвоним!

Павлик позвонил к соседям, но за дверью царила полная тишина.

— Бабушка Валя не слышит, она глуха-а-я, — сказала девчонка.

— А на первом этаже?

— А там все на работе, а дядя Игорь в институ-у-т ушёл... Дедушка, возьми меня с собой, мне тут стра-а-шно!

Этого ещё не хватало!

— Что ты! — затряс головой Павлик. — Куда я тебя возьму? Я занят, мне идти надо.

— У-у-у! — заревела девчонка. — Я с тобой пойду-у-у... Ты хоро-о-ший...

— Да куда ты со мной пойдёшь? — испугался Павлик. — Я опасным делом занят! Разбойников ловлю, понимаешь? — И прошептал свистящим шёпотом, кивнув на подвал: — Тут у вас внизу разбойники живут!

Этого говорить не стоило. Павлик понял, что совершил ошибку. Девчонка подняла такой рёв, что стёкла задребезжали в раме, а котёнок стал вырываться из её рук.

— Тише! Тише! — замахал руками Павлик. — Я пошутил!

Но девчонка уже вцепилась в его рукав мёртвой хваткой...

— А-а-а! — громко ревела она. — Я бою-у-сь!

— Тссс! — Павлик зажал девчонке рот и горячо зашептал в самое ухо: — Ну что ты ревёшь? Как не стыдно! Ты уже большая! Ну ладно, ладно, я отведу тебя к себе домой, так уж и быть! Но только ты подожди меня немного, всего часик! Я скоро вернусь, поняла?

— Не хочу-у-у! Не уходи-и-и! Я разбойников бою-у-сь!

Эх! Павлик с досады крякнул, как утка.

Делать было нечего. Придётся тащить девчонку домой. Не оставлять же её, в самом деле, одну на грязной лестнице, да ещё со свинкой, да ещё в соседстве с подозрительным подвалом!

И надо же такому случиться: в самую решительную минуту, когда вот-вот и стало бы ясно, что за люди, с какой целью собрались там, внизу!

«Ну ничего, ещё не всё потеряно, — сказал себе Павлик. — Слетаю, как ветер, домой, и обратно!»

— Ладно уж, пошли, — сказал он девчонке. — Только ты мой свитер надень. Кто же это в пижамах по улицам разгуливает?

Девчонка сразу перестала реветь, напялила на себя задом наперёд Павликин свитер, протянула Павлику мокрую ладонь, и оба стали спускаться по лестнице.

Глава 6
Записка на двери

Ох, это было чистое наказание! При каждом шаге огромные шлёпанцы сваливались у девчонки с ног, и, чтобы одолеть пять ступеней, понадобилось, как показалось Павлику, не меньше часа!

Это было невыносимо! При таких темпах приключение с девчонкой грозило кончиться лишь к вечеру, и тогда прощай Павликины мечты, Павликины планы!

Павлик решительно сел на ступеньку, сдёрнул с себя носки, натянул их девчонке на голые ноги и взвалил её на спину.

— Поехали! — обрадовалась девчонка, но тут же громко захныкала: — Дедушка, а котёнок? Я без него не хочу-у-у!

Тьфу, чёрт! Котят ещё не хватало!

Но пришлось брать и котёнка. Павлик сунул его за пазуху, под майку, и гало-

пом помчался по ступеням, но вдруг остановился на полном скаку и хлопнул себя по лбу. А родители? Девчонкины мама и папа? Что с ними будет, когда они придут с работы и не обнаружат своей дочери?

Хорошо, что у Павлика в кармане нашёлся клочок бумаги и огрызок карандаша. Павлик быстро нацарапал:

«Уважаемые родители! Ваша дочь унесена по адресу Краснобаррикадный переулок, дом пятнадцать, квартира шестьдесят восемь».

Потом запахнул пиджак, надетый прямо на майку, подхватил девчонку и помчался по переулку.

Котёнок пищал и щекотал под майкой голый Павликин живот. Девчонка подпрыгивала на Павликиной спине, как наездница в цирке, и громко смеялась.

— Ура-а-а! Дедушка, а я знаю, кто ты! — цепко обнимая Павлика за шею, кричала она ему в самое ухо. — Ты Дед Мороз, вот кто! Но-о-о! — воскликнула она, пришпоривая Павлика шерстяными пятками. — Но-о-о! Но-о-о!

А котёнок лизал и царапал Павлику живот.

Глава 7

Павлик возвращается в подвал

Совершенно взмокший, приволок Павлик девчонку к себе на четвёртый этаж. Там он разобрал постель и приказал девчонке ложиться.

— Вот тебе апельсины, сушки, вот хлеб с маслом и колбаса, — сказал он. —

А вот градусник. Не забудь смерить температуру! Да, вот тебе ещё Тимофей, не скучай, развлекайся тут, а я скоро приду...

В дверях подъезда он столкнулся с Андреем, который вёл за руль новенький красный велосипед. Как назло, сбегая по лестнице, Павлик сдёрнул с себя маску — уж очень в ней было жарко!

Увидев Павлика, Андрей застыл на месте.

— Привет, — растерянно сказал он.

— Привет, — буркнул Павлик и промчался мимо.

Дверь грохнула.

— Того, — усмехнулся Андрей. — Тефтеля-то с приветом! — и покрутил пальцем возле лба.

Глава 8
Склад инвентаря

На сей раз Павлик быстро добрался до нужного дома и без промедления спустился в знакомый уже подвал.

С бьющимся сердцем шагнул он с последней ступеньки на землю.

Вокруг был, как говорится, кромешный мрак. Держась рукой за влажную шершавую стену, Павлик сделал несколько шагов куда-то влево, и тут из слегка поредевшей темноты выступили перед ним две двери.

Одна из них была чуть приоткрыта. Из-под неё выбивался сероватый свет. Другая, обитая драной клеёнкой, из-под которой торчали клочки грязной серой ваты, была закрыта наглухо.

На первой двери что-то было написано мелом.

— «Склад инвентаря», — по слогам прочёл Павлик... Значит, другая дверь — та самая...

Вдруг Павлик вздрогнул. За дверью, обитой клеёнкой, той самой дверью, послышались какие-то звуки. Чей-то голос звучал глухо и неразборчиво.

«Сейчас откроют и выйдут!» — с ужасом подумал Павлик и юркнул в соседнюю дверь.

Павлик оказался в маленькой полутёмной комнатке.

Половину комнатки занимал диван, родной брат того, музыкального.

На столе стояла ржавая электрическая плитка. На ней — чайник, рядом — чашка.

Больше никакой мебели и посуды в комнатке не было. Зато в глубокой нише, задёрнутой линялой ситцевой занавеской, в беспорядке были свалены мётлы, веники и железные вёдра.

Отдельно, на гвоздиках висели серые половые тряпки. Теперь Павлик совершенно отчётливо различил за стеной мужские голоса и так и прильнул к стене ухом!..

Глава 9

«Старик, ты просто гений!»

— Слушай, Старик, давай её в тёмный угол оттащим, — услышал Павлик. — Не могу её видеть! Как погляжу — настроение портится!

— Да выбросить её надо, — ответил голос Лохматого. — Завернём во что-нибудь, вынесем ночью во двор и сожжём, чтобы никто не видел!

— Тяжеловато старушку по лестнице тащить. Надорвёмся. Давай её за шкаф засунем, и дело с концом.

За стеной поволокли что-то по полу.

— Между прочим, она когда-то ничего была, — сказал тот, кого называли Бородой. — С заданием справлялась.

— Да брось ты! Давно её списать надо было. Пользы как от козла молока!

Павлик слушал этот разговор ни жив ни мёртв. Его трясло. Ноги у него подкашивались. Лоб покрылся липким потом.

«Ну и впутался я в историю! — с то-

ской думал Павлик. — Кого это они там прячут у себя?»

— Кстати, Старик, как у тебя дела с той девушкой? — вдруг услышал он.

— Пока так себе.

— Что значит «так себе»? Тебе удалось с ней познакомиться?

— Нет, Борода.

— Старик, ты позоришь нашу фирму! Ну хоть как зовут её, узнал?

— Не удалось пока. Но всё же, Бородёнка, я тебе сейчас кое-что покажу. Вот, гляди...

Минуты две за стеной молчали, потом Борода воскликнул восхищённо:

— Старик, да ты просто гений! Какое качество! Блеск! Шеф просто взбесится от восторга! Он эту девушку обязательно на полосу пустит!

— Ты думаешь? Ну спасибо, Бородёнка. Да, кстати, а как у тебя дела с Байкалом?

— Тоже, знаешь, ценный материальчик с БАМа привёз! Там свои люди нашлись, Старичок. Всё, как положено, мне показали, рассказали... Вот, погляди, я уж постарался, как можно точнее объекты зарисовал. Как, ничего?

— Первый сорт. Поздравляю, Борода!

Глава 10
Тётя Фарида

Прижавшись ухом к стене так, что оно побелело и одеревенело, боясь проронить хоть слово, Павлик слушал весь этот разговор.

«Уж не шпионы ли они? — тревожно думал Павлик. — Похоже, что шпионы. Да-да, вполне возможно.

По кинофильмам Павлик знал, что «шефом» часто называли главу иностранной разведки, что выражение «ценный материал» могло означать, что собрано большое количество ценных шпионских сведений, ну, а уж слово «фирма», само собой, значило только одно — шпионская организация.

Оставалось пока неясным странное выражение «пустит на полосу», которое ни в одной книжке и ни в одном кинофильме про шпионов Павлику не встречалось.

Павлик решил на досуге пораздумать об этом выражении и, может быть, при случае, расспросить о нём кого-нибудь из взрослых, а пока он продолжал слушать. Но за стеной вдруг смолкли.

— Слышишь? — сказал Борода.

— Слышу! Тётя Фарида с задания возвращается.

И тут же Павлик услышал на лестнице шаркающие шаги.

«Да тут у них целое логово!» — подумал он.

Шаги приближались.

Тётя Фарида, возвращаясь с задания, громко вздыхала и что-то бормотала.

Судя по голосу, она была уже немолода.

«Наверное, самая опытная», — решил Павлик.

Преступники, примолкнув, ожидали её появления.

Павлик тоже ждал.

Наконец шаги тёти Фариды зашаркали по площадке.

— Нинди карангэ, лампочка даленде[1]... — ворчливо сказала тётя Фарида на незнакомом Павлику языке. — Тётя Фарида темнота голову сломай...

— Тётя Фарида, это ты? — крикнули за стенкой.

— Я... я... — недовольно сказала тётя Фарида, и Павлик почувствовал, как она

---

[1] Такая темнота, да ещё и лампочка перегорела (татарск.).

взялась за ручку той самой двери, за которой сидел он, Павлик Помидоров!

Дверь стала тяжело отворяться.

Как мышь, юркнул Павлик за ситцевую занавеску и спрятался там среди веников и мётел.

— Что наделал тётя Фарида! Склад инвентарь забыл закрыть! Начальник ЖЭК ругаться будет! — рассердилась на себя тётя Фарида.

Она вошла в комнату, где за ситцевой занавеской тяжело билось сердце Павлика Помидорова, и включила электрическую лампочку.

— Ты чего ворчишь, тётя Фарида? — крикнули из-за стены.

— Боюсь, чужой человек метлу воровать. Тётя Фарида дверь не закрыл... — И видно, чтобы наверстать упущенное, она вынула из кармана ключ и несколько раз со скрипом повернула им в двери.

После этого тётя Фарида сняла с себя оранжевые резиновые сапоги и села на диван.

— Устал тётя Фарида, — сказала она, потягиваясь. — Устал. Двор подметал. Начальник ЖЭК хвалить будет. Премию даст тётя Фарида, — и улеглась на диване.

— Сейчас начнётся, — сказали за стеной.

Глава 11
«Тётя Фарида! Работать не даёшь!»

Тётя Фарида заснула сразу.

То, что она спит, Павлику стало понятно с первой минуты. Странные, ни с чем не сравнимые звуки полились из горла тёти Фариды.

— Бур-р-р... — говорила во сне тётя Фарида, — хур-р-р-р, мур-р, бур-р-р...

За стеной что-то продолжали говорить, но из-за сонных откровений тёти Фариды нельзя было разобрать ни слова. Драгоценные сведения о деятельности многочисленной преступной организации не долетали более до Павликиных ушей.

Вдруг в стену чем-то грохнули, похоже, кулаком.

— Эй! Тётя Фарида, спи потише! Работать не даёшь!

— А! — сказала тётя Фарида.

И снова завела своё. Так прошло полчаса. Потом соседняя дверь громко хлопнула. За стеной стало совсем тихо.

«Ушли», — подумал Павлик.

Глава 12
Павлик в западне

Только теперь Павлик пошевелился. Руки и ноги у него затекли, спина ныла. Он осторожно выполз из-под мётел и отогнул край занавески.

Он увидел на диване тётю Фариду в сером пиджаке, белой косынке и вязаных носках.

«Хоть она и дворник, а заодно с ними», — сказал себе Павлик и на цыпочках пошёл к двери.

О ужас! Дверь была заперта, и ключа в ней не было.

На миг Павлик... На миг Павлик... О, господи боже, да что мы такое хотели сказать? Что там должен был сделать Павлик? Мы так растерялись вместе с ним, что нужное слово выскочило у нас из го-

ловы. Может быть, мы хотели сказать: на миг Павлик побледнел как смерть, потерял сознание, рухнул на пол перед железной дверью «Склада инвентаря». Но нет, пожалуй, это было бы слишком. Павлик, конечно, не потерял сознание и не рухнул на пол, хотя, честно говоря, чуть не рухнул, так задрожали у него колени.

Но...

«Спокойно. Безвыходных положений не бывает, — сказал себе Павлик. — Закрыта дверь — вылезу в окно!»

И, повернувшись вокруг своей оси, бесстрашно двинулся мимо тёти Фариды к окну.

...На окне красовалась толстая ржавая решётка.

Глава 13
Павлик лезет в форточку

И вот тут присутствие духа всё-таки покинуло Павлика Помидорова.

Добрую минуту Павлик бессмысленно взирал на решётку.

Это была западня.

Тюрьма.

Ловушка.

Получалось, что, расставляя сети для врагов, Павлик попал в них сам.

Но надо было действовать решительно. Надо было срочно что-то придумать.

«Может, разбудить тётю Фариду?» — пришла в голову Павлику бредовая мысль, но он тут же отклонил её.

«Попробую вылезти в форточку», — решил Павлик.

Он поставил к подоконнику табурет и залез на подоконник.

Сунул в форточку голову. Стал всовывать плечи...

Ах, Павлик совсем забыл, что на нём дедушкин пиджак с ватными плечами! Если бы он так не волновался, он вспомнил бы об этом вовремя, снял бы пиджак и, может быть, кое-как, чудом, протиснулся в узкую форточку! Но повторяем, Павлик о пиджаке забыл.

И вышло вот что. Ватные плечи пиджака упёрлись в форточку, и, как ни подскакивал Павлик, пытаясь просунуться в неё чуть далее плечей, ничего не выходило.

Получалась жуткая вещь. Павлик как бы раздвоился. Одна его часть — голова и шея — торчали на улице, другая — туловище, ноги и всё остальное — оставалось в подвале.

Короче говоря, он в форточке застрял.

И как всегда, когда человеку начинает не везти, на него как из ведра, посыпались несчастья.

Над болтавшейся в форточке головой Павлика собрались тучи (не в переносном, а в прямом смысле), в небе громыхнуло,

и на землю стали падать крупные капли дождя.

Из подъезда выскочила пожилая полная женщина, схватила детскую коляску и торопливо втянула её в подъезд.

Глава 14
Мучения Павлика Помидорова

Итак, первые капли дождя ударились о розовую Павликину лысину.

Бум, бум, бум... Как будто маленькие твёрдые камушки, стукались они об неё. Павлик замотал головой, чтобы увернуться от их неприятных ударов, но ничего не получалось.

Павлик вспомнил, что читал в одной книжке про старинную китайскую пытку. Человеку лили каплями на голову воду. От этого в голове у человека могла образоваться дырка.

Бум, бум, бум... — долбили капли по шёлковой лысине. Уверяем вас, это было очень неприятно. К тому же бедный Пав-

лик даже не мог потрогать голову рукой, где, казалось ему, возникло уже не меньше двенадцати дырок.

Но всем известна пословица: «Когда тебе плохо, думай о хорошем».

«Хорошо ещё, что не град», — подумал Павлик и перестал сопротивляться. Голова его поникла в форточке, он закрыл глаза.

«Будь что будет», — решил он.

И было вот что.

Редкие крупные капли вдруг превратились в сплошную стену воды, и через минуту розовая лысина Павлика приобрела тёмно-бурый оттенок, за шиворот потекли холодные ручьи, а левая бровь почти совсем отклеилась, съехала вниз и наполовину закрыла Павликин глаз.

Но самое ужасное произошло с носом. Нос стал тяжёлый, как камень. В него натекла вода, и Павлик должен был теперь широко разевать рот, чтобы не задохнуться. Но каждый раз, как он разевал рот, в него тут же текла вода с усов.

Так он и дышал в форточке, как рыба, выкинутая на песок. И надо сказать, проклинал всех на свете подозрительных типов, самого себя за то, что ввязался в дело, а заодно и тётю Фариду, которая спала безмятежны сном, не подозревая о Павликиных мучениях.

Глава 15
Сон тёти Фариды

А тёте Фариде снилось, как начальник ЖЭКа в мягких татарских сапожках сидит

у неё в гостях в родной деревне под Казанью и кушает бешбармак.

— Хороший у тебя бешбармак! — хвалит начальник ЖЭКа. — Жирный бешбармак! Да только ты, товарищ Абдуллаева, плохо за складом инвентаря смотришь, запирать его забываешь! Так у тебя, товарищ Абдуллаева, всё государственное имущество растащут. Это плохо, товарищ Абдуллаева! И за это я лишаю тебя премии за третий квартал!

И тут грохнул по столу кулаком начальник ЖЭКа, и подскочило на столе блюдо с бешбармаком, и подскочила на своём клеёнчатом диване тётя Фарида, и протёрла она глаза, но вместо того, чтобы проснуться, увидала сон ещё страшнее.

Гремел за окном гром, сверкала молния, а из форточки высовывались чьи-то ноги и поочерёдно подпрыгивали на подоконнике.

— Уж лучше пусть мне начальник ЖЭК снится! — сказала сама себе тётя Фарида, и снова послышался её храп.

Глава 16
«Дорогой Иван Иваныч!»

Пытка водой продолжалась, к счастью, недолго.

Дождь как неожиданно начался, так неожиданно и кончился, тучи разбежались, выглянуло солнце и, как будто сжалившись над Павликом, ласково погладило его по голове тёплыми руками.

Слипшиеся клочки волос, окружавшие Павликину лысину, задымились на солнце. Густые белые брови — тоже.

Левая бровь теперь целиком возлежала на Павликином глазу. С усов продолжала течь вода. Мокрая шея неприятно мёрзла. Ватные плечи дедушкиного пиджака налились свинцом. Спина болела.

Павлик изнемогал.

«Если так будет продолжаться ещё полчаса, я умру», — решил Павлик и принялся чихать.

— Апчхи! — громогласно, на весь двор, чихал Павлик. — Апчхи! Апчхи!

Солнце скрылось, и во двор, подобно туману, стали медленно опускаться тихие прозрачные серые сумерки.

Вслед за ними, почти перед носом Павлика, из подъезда снова выплыла голубая детская коляска. Её везла уже знакомая Павлику женщина в круглых очках.

— Апчхи! — не сдержался и снова чихнул Павлик.

Женщина вздрогнула и завертела по сторонам головой.

— Товарищи, кто тут чихает? — вопросила она пустое пространство двора и заглянула под скамейку.

— Апчхи! — услышала она в ответ.

— Боже мой! Кто это? — Женщина наклонилась к подвальному окну и протёрла очки. — Ах! Иван Иваныч! Что вы тут делаете?

— Я?! — с натугой сказал Павлик. — Да вот, дышу свежим воздухом...

— Но как вы оказались в подвале?! Странно! Ах да, я понимаю. Ваша Земфира, наверное, опять сбежала? Она, наверное, заползла в подвал и вы её тут искали?

— Угу, — сказал Павлик, стараясь говорить сиплым шёпотом и безуспешно пытаясь понять, кем могла быть эта самая Земфира и зачем ей понадобилось ползать по подвалам?

— А что у вас с голосом? Вы говорите как-то странно. Вы, наверное, простыли в подвале?

За Павликиной спиной послышалось пение диванных пружин.

— Говорите, пожалуйста, тише! — испугался Павлик. — А то она проснётся...

— Кто проснётся? Земфира? А она что, нашлась?

— Да, — с отчаянием просипел Павлик. — Но сейчас дело не в этом. Я, понимаете ли, застрял... Помогите мне, пожалуйста, отсюда вылезти. А то там, в дверях, замок сломался.

— Ну конечно, конечно! — заволновалась женщина. — Сейчас я позову водопроводчика! Одну минуточку!

Через минуту она вернулась с водопроводчиком и двумя подслеповатыми старушками.

— Коля, вы поможете нам вытащить Ивана Иваныча? — сказала женщина. — Вытащить можно, Клара Макаровна, — сказал Коля-водопроводчик.

— Вытащить — это очень даже просто. За шею взял да и вытащил.

Услыхав эти слова, Павлик застонал.

— Ему плохо! — воскликнула Клара Ма-

каровна. — Иван Иванычу плохо! Валидол! У кого есть валидол?

— Ну, я пошёл, — сказал Коля-водопроводчик. — Меня жильцы ждут. Я человек ответственный.

Две руки протянулись к Павликиному лицу. На каждой ладони лежала белая таблетка валидола. Павлику ничего не оставалось, как раскрыть рот и принять сразу обе таблетки.

Но не успел он ощутить во рту приятную свежесть валидола, как с ужасом почувствовал, что железная рука тёти Фариды схватила его за ногу!

Глава 17
«Я тебе покажу!»

— Я тебе покажу! — услыхал Павлик из глубины подвала. — Хулиган! Метла воровать! — и ощутил такой рывок за ногу, что обе таблетки застряли у него в горле.

Дикий приступ кашля охватил Павлика.

— Иван Иваныч, бедный! — засуетилась Клара Макаровна. — Он простудился в подвале! Ему плохо!

— Я тебе покажу, как склад инвентарь воровать! — вопила сзади тётя Фарида.

— Иван Иваныч, мужайтесь, мы сейчас вас вытащим! — волновалась Клара Макаровна. — Вера Степановна, давайте ещё раз попробуем!

Клара Макаровна и Вера Степановна вцепились в ватные плечи Павликиного пиджака и принялись что есть силы тянуть его вместе с Павликом наружу.

Никогда ещё Павлик не бывал в таком переплёте. В таком, можно сказать, двойственном положении.

Борьба между самоотверженной Кларой Макаровной и её помощницей Верой Степановной, с одной стороны, и тётей Фаридой, с другой, не приводила ни к каким результатам. «Ничья» продолжалась уже ровно пятнадцать минут.

На шестнадцатой минуте Клара Макаровна первая вышла из строя. Она вдруг покраснела и схватилась за сердце.

— Мне плохо, — сказала Клара Макаровна.

Вера Степановна подхватила её под руки и повела к лавочке.

Глава 18
«Где наша дочь?»

А что же происходило в шестьдесят восьмой квартире дома номер пятнадцать по Краснобаррикадному переулку, пока Павлик мучился в форточке у тёти Фариды?

А происходило там вот что.

Ничего не подозревающая Марина Сергеевна, придя с работы, спокойно сняла в передней туфли на каблуках, надела

домашние тапки, привычно сожалея, что они, как всегда, обваляны густой Тимофеевой шерстью, спокойно выложила в холодильник принесённые из магазина колбасу и сливки и направилась в комнату, чтобы узнать, что поделывает её сын, — не валяется ли на диване и не играет ли в пуговицы, вместо того чтобы полить на окнах цветы и вытрясти дорожки.

Она дошла до порога, на всякий случай заранее подготовив все, положенные в этом случае, упрёки, но у порога внезапно остановилась и удивлённо округлила глаза.

Странная картина представилась Марине Сергеевне! По всему полу были раскиданы апельсины и сушки, а на тахте, укрывшись с головой, спал Павлик!

Марина Сергеевна хотела немедленно рассердиться. Новое дело! Что это Павлику вздумалось швырять по полу апельсины?!

«Вот заработал бы на них сначала! Потом постоял бы в очереди! — гневно подумала Марина Сергеевна. — Знал бы тогда, как апельсинами кидаться!»

Но потом она вдруг удивилась и испугалась... Может, сын заболел? Может,

у него высокая температура и он в бреду вытащил из холодильника апельсины и раскидал их по комнате?

Да, у него температура, определённо температура! Иначе почему он вдруг лёг спать, не дожидаясь ночи?

Обеспокоенная Марина Сергеевна на цыпочках подкралась к спящему Павлику, наклонилась над ним... и чуть не упала от неожиданности! Под одеялом спал вовсе не Павлик, а какая-то неизвестно откуда взявшаяся маленькая девочка!

Она спала раскрыв рот и слегка посапывая носом. Щёки у неё были круглые и румяные. Одна почему-то толще другой. На шее болталась вязаная белая косынка с толстым комом ваты.

Одной рукой девчонка обнимала тоже неизвестно откуда взявшегося свернувшегося в клубочек тощего, драного котёнка, другой — развалившегося на одеяле Тимофея.

Марина Сергеевна застыла с открытым ртом, не в силах прийти в себя от изумления.

«Что это значит? — проносилось у неё в голове. — Может, это я брежу?»

Она проглотила слюну, потрогала рукой совершенно холодный лоб, но тут в дверь громко зазвонили.

«Наверно, Павлик! — решила Марина Сергеевна. — Сейчас что-нибудь прояснится!» — и побежала в переднюю.

— Откройте! Сейчас же откройте! — услышала она ещё издали чьи-то чужие голоса. В дверь громко забарабанили.

— Кто там? — испуганно спросила Марина Сергеевна.

— Немедленно откройте! — вместо ответа услышала она, и в квартиру ворва-

лись растрёпанная женщина в жёлтой шляпке и мужчина в сером плаще.

— Где наша дочь?! — с порога закричала женщина.

Глава 19
«Хочу к дедушке!»

— Какая дочь? — растерялась Марина Сергеевна. — Ах да, простите, там спит какая-то девочка!

Мужчина и женщина бросились в комнату.

— Анюточка! Доченька! — вскрикнула женщина и выхватила из постели сонного ребёнка.

Девочка проснулась и от испуга подняла рёв.

— Анюточка! Солнышко моё! Как я переволновалась! — рыдала женщина.

Мужчина стоял рядом, переводя растерянный взгляд с плачущей дочери на рыдающую жену, и тоже, как видно, сильно волновался.

— Простите, пожалуйста, — робко сказала Марина Сергеевна — но вы... Вы не

можете мне сказать, как ваша дочь сюда попала?

— Это мы вас должны спросить! — закричала женщина. — Зачем вы её унесли? Зачем?

— Я никого не уносила, — растерялась Марина Сергеевна. — Должно быть, это какое-то недоразумение! Пять минут назад я пришла с работы, а эта девочка, ваша дочь, спит в моей постели!

— Но как же всё-таки наш ребёнок сюда попал? — удивился мужчина. —

Анюточка, деточка, скажи, как ты сюда попала?

— Де-е-душка принёс, — капризно хныча и растирая кулаками сонные глаза, протянула девочка. — Хочу к де-е-душке! Где де-е-душка?

— Какой ещё дедушка? — в один голос воскликнули мужчина, женщина и Марина Сергеевна. — Деточка, какой такой дедушка?

— Дед Моро-о-з... Хочу к нему на ру-учки! — Губы у девочки скривились, и она снова громко захныкала.

Потрясённые родители и не менее потрясённая Марина Сергеевна широко раскрытыми глазами уставились друг на друга. Что за Дед Мороз? Какой ещё Дед Мороз?!

— Деточка, а ты не ошибаешься? — ласково спросил мужчина. — Какой он из себя, этот Дед Мороз? У него что, валенки, борода?..

— Не-е-т бороды... Он хоро-о-ший...

У него волосики из ниток...

Ах, мы не станем описывать конца этой сцены! Скажем только, что ни через десять минут, ни через полчаса ровным счётом ничего не прояснилось и все её

участники, все действующие лица, остались, как говорится, в том же неведении, в каком пребывали в начале её.

Дело, короче, кончилось тем, что родители вместе с девочкой покинули дом Помидоровых, и Марина Сергеевна, наконец, осталась одна.

Глава 20
«Что происходит?»

«Что происходит? — думала Марина Сергеевна. — Что за чертовщина творится в моей квартире? Откуда взялась эта девчонка? Кто подсунул её в мою постель? Ничего не понимаю! Можно с ума сойти! И где, в конце концов, мой собственный сын? То целыми днями дома сидит — гулять не выгонишь, а то пропал — и нету! Куда он делся? Просто не знаю, что и думать!»

Дзы-ы-ынь!.. — зазвонил телефон.

— Алё! — схватила трубку Марина Сергеевна.

— Тётя Марина, здрасте, это Люся! А Павлик дома?

— Нету его! Не представляю, куда он делся, ведь поздно уже...

— Тётя Марина, вы не волнуйтесь. Он преступников ло... Ой! — запнулась Люська.

— Что? — закричала Марина Сергеевна. — Повтори, я не расслышала!

Дзынь-дзынь!.. — звякнул дверной звонок.

Марина Сергеевна бросила трубку и побежала к двери. Новый сюрприз ждал её на пороге.

— Боже мой, Павлик, зачем ты нацепил на себя этот хлам?! — в ужасе закричала Марина Сергеевна. — Что с тобой? Что за разводы на лице? Ты что, красился?!! Нет, я не выдержу, я просто с ума сойду сегодня! Что за безумный день! То какие-то Деды Морозы среди лета подкидывают мне чужих детей! То мой собственный сын выряжается как пугало огородное и пропадает неизвестно где! Отвечай, где ты был? Зачем ты надел дедушкин пиджак? Ну? Что же ты молчишь?

Но разве мог рассказать Павлик, где он был?

Разве мог рассказать, что, выслеживая шпионов, застрял он в форточке у тёти Фариды?

Что два санитара «скорой помощи» с большим трудом вытащили его оттуда?

Что Клара Макаровна, кинувшись его обнимать и увидев вблизи его лицо, упала в обморок и её пришлось везти в больницу в карете «скорой помощи»?

И что во всей этой кутерьме ему еле-еле удалось улизнуть?

Нет, не мог рассказать всего этого Павлик. Согласитесь, никак не мог. Поэтому он только тяжело вздохнул и принялся стаскивать с себя влажный пиджак.

— Я был у Славы Ферапонтова, — сказал Павлик. — Мы играли в домино.

И он свалился на диван и тут же заснул мёртвым сном...

○

Часть четвёртая
«Я ИХ ЗАСЁК!»

Глава 1
«Я их засёк!»

На следующий день Павлик проснулся с насморком и жуткой болью в спине.

«Почему у меня так болит спина?» — подумал он, потом вспомнил форточку, дождь и всё понял.

Зазвонил телефон. Павлик с трудом поднял руку и снял трубку.

— Ты почему не подходишь? — заорала трубка. — Я уже десятый раз звоню!

Павлик взглянул на часы. Было двенадцать.

— Я спал, — сказал Павлик.

— Он спит! — возмутилась трубка. — Интересно, а кто преступников будет ловить?

— Не кричи, — сказал Павлик. — Мне теперь торопиться некуда.

— Почему?

— А потому, что я вчера их засёк!

— Как это засёк? Прямо насмерть?!

— Да нет же. Я их ставку раскрыл. Явочную квартиру. Ты меня слышишь, Люсь? Их там оказалось трое: Лохматый, Борода, а ещё одна женщина по имени тётя Фарида. Правда, про неё я не уверен. Кажется, она просто дворник. Но они... они точно преступники! Возможно даже, что они... — тут Павлик понизил голос и огляделся по сторонам, — что они шпионы!

— Неужели?! — обрадовалась Люська. — Вот здорово!!! Как же ты это узнал?

— Потом расскажу, сейчас некогда. Мне ещё надо всё про девушку выяснить. Кто такая, чем занимается, поняла? Только никому ни слова. Это наша с тобой тайна, слышишь?

— Честное пионерское, никому не скажу! Можешь не сомневаться!

Глава 2
Доска с фотографиями

Остаток дня не был отмечен никакими событиями, кроме одного. Павлик пошёл в магазин и прямо против подъезда увидел на зелёной, свежевыкрашенной доске объявлений несколько поблёскивающих на солнце фотографий. На них были сфотографированы люди с тачками, лопатами и саженцами. Наверху большими красными буквами было написало: «НАШ СУББОТНИК».

Под всеми этими фотографиями была ещё одна. На ней сфотографирована группа смеющихся ребят. В центре Андрей с лопатой, по бокам бравые братья Петуховы, перед ними — Светка. Сзади же, из-за Тольки Петухова, наполовину высовывалось кислое-кислое, как показалось Павлику, его собственное лицо. Да, все улыбались, один Павлик не улыбался.

Под фотографией было написано:

«Дети нашего двора выкопали пять больших ям для деревьев и высадили в клумбу двадцать пять штук цветочной рассады. Особенно отличился Андрей Караваев. Молодцы, ребята!»

Павлик вздохнул. Ну ничего. Скоро здесь появится и другая фотография. Да не такая маленькая, а раз в пять больше. Уж на ней-то Павлик будет не где-то сбоку и не кислый, как лимон. Он будет сфотографирован крупным планом, весёлый, смеющийся. И написано будет под этой фотографией вот что: «Мальчик из нашего двора Павлик Помидоров собственноручно выследил и обезвредил целую шайку опасных преступников! Молодец, Павлик!!!»

Глава 3
Запись восьмая

18 июня.

Всё идёт хорошо! Я был на «трубе». Оказывается, это вовсе не труба, а Трубный переулок. У них там преступное логово. Жалко, что мне эта девчонка со свинкой все планы спутала. Но ничего, они всё равно уже почти в моих руках! Маме пришлось наврать про девчонку, это очень неприятно, но я потом ей всё объясню, сейчас я иначе не мог.

Сегодня займусь девушкой, узнаю, кто она такая. По-моему, она учёная. Эти мошенники хотят выпытать у неё ценные секретные сведения.

Но это им не удастся! Она живёт напротив меня, только ниже, на втором этаже. Я хотел в бинокль разглядеть, что она делает, но дерево заслоняет. Сегодня вечером возьму бинокль и полезу на сарай. Его крыша вровень с её окном.

Скорей бы настал вечер!

Глава 4
Павлик лезет на крышу

И вечер не заставил себя ждать.

Он был удивительно хорош, этот июньский вечер!

Он вошёл во двор, помахивая распустившимися ветками чёрной смородины, тёплый, как парное молоко, украшенный первыми, ещё не очень заметными звёздочками.

Он вошёл во двор дома №15 по Краснобаррикадному переулку и уселся на лавочку рядом с лифтёршей тётей Катей.

— Добрый вечер, тётя Катя! — вежливо сказал вечер. — Как жизнь? Как дела?

— А? — не расслышала старушка.

— Как дела, спрашиваю? — повысил голос июньский вечер.

— Хорошо, милок! — обрадовалась тётя Катя. — Вовка-внук в командировку поехал. Прислал бандероль. Кухонных полотенцев две штуки и шоколадный набор «Лето».

— Хороший человек Вовка-внук! — сказал июньский вечер, взмахнул рукой, и запах цветущих кустов смородины поплыл по двору дома №15.

— Хороший человек Вовка-внук! — как эхо, откликнулась тётя Катя. — Не пьёт. В техникуме учится.

Но этого июньский вечер уже не слышал. С удивлением взирал он на Павлика Помидорова, который с театральным биноклем на шее, воровато оглядываясь, выходил из подъезда. А Павлик, не обнаружив во дворе никого, кроме глуховатой тёти Кати, направился к двухэтажному каменному строению неизвестного назначения, которое находилось как раз между двумя пятиэтажными домами, обогнул его и смело полез наверх по старенькой лестнице, приставленной к кирпичной стене.

Минута, другая — и Павлик был на крыше.

Глава 5
Таинственное слово

Отсюда открывался прекрасный вид прямо в нужное Павлику окно. Шторы были распахнуты, на столе горела настольная лампа с красным абажуром.

Павлик стал на колени и поднял к глазам бинокль.

Низко склонилась над столом русая девушкина макушка. Прямые волосы свешивались по бокам строгого, сосредоточенного лица и почти доставали до сетки бесчисленных линий, начерченных на белом листе бумаги.

Крупные, красивые, чётко нарисованные буквы так и запрыгали перед окулярами театрального бинокля.

Наверху на листе было написано всего два слова, одно короткое, другое очень длинное.

— «Проект...» — прочёл Павлик по буквам первое.

Ого! Проект!

Павлик в сильнейшем волнении заёрзал на коленках.

— Проект! План, значит? Она чертит план! Постой-ка, а план чего? Какой план?

Он снова поднял к глазам бинокль и стал читать дальше.

— «Проект ЦНИИ...» Чего? Что там написано такое? «ЦНИИ... Строй... ремонт...»

Но тут он запутался и стал читать снова:

— «Цниистройматремонтпром...»

Слово не кончалось. Оно было бесконечное. Непонятное и таинственное, оно тянулось через весь верх белого листа, и, как ни пытался прочесть его Павлик, ничего не получалось. Он запутывался.

— Ф-фу! — Павлик провёл рукой по вспотевшему лбу. — Что же оно значит и как оно, в конце концов, звучит?

Глава 6
«Зачем ты мучаешь кошку?!!»

А внизу, на земле, тем временем происходило вот что.

Чёрная дворняжка спугнула с забора толстого белого кота и, как борзая за зайцем, понеслась за ним через весь двор.

Тимофей (а это был он), обезумев от страха, нёсся перед носом дворняжки.

Вон он подбежал к сараю, у которого на лавочке мирно беседовали тётя Катя и Дмитрий Ферапонтович Волков, со всего маху прыгнул на товарища Волкова, перескочил с него на ствол рябины и стал карабкаться наверх.

— Ах! — громко воскликнул Светкин дядя, но его вскрик был перекрыт оглушительным лаем собаки.

Дворняжка осатанело кидалась на ствол, лаяла и даже кусала с досады рябиновую кору.

— Товарищи, чья это собака?! — вскочил Светкин дядя. — Почему без намордника?! Уберите её! Она бешеная!

Пока он произносил эти слова, Тимофей добрался до верхней ветки рябины и, увидав рядом, на крыше, хозяина, издал жуткий, холодящий душу вопль.

— Что здесь происходит?! — не на шутку рассердился Дмитрий Ферапонтович. — Куда смотрит общественность? Кошмар какой-то! Развели, понимаете ли, беспризорную живность!..

Но тут дворняжка взревела вовсе уж не собачьим голосом и, видно потеряв терпение, вскочила на ствол всеми четырьмя ногами.

Тимофей большими глазами поглядел вниз, потом с мольбой взглянул на Павлика и, ища спасения, прыгнул с рябины прямо хозяину на грудь!

От неожиданности Павлик ахнул и выронил бинокль.

Следуя законам тяготения, бинокль стал падать вниз.

— Это возмути... — произнёс Дмитрий Ферапонтович, но тут бинокль, отражая в окулярах нежно-зелёные узорчатые листья рябины, упал ему на голову.

Дмитрий Ферапонтович закрыл глаза и бухнулся на лавку.

— Караул! — не разобравшись, на весь двор завопила лифтёрша тётя Катя.

Услыхав тёти Катин крик, Лена (так звали девушку) вскочила из-за письменного стола и бросилась к окну. Она перевесилась через подоконник и стала глядеть вниз, но тут рядом с ней, совсем близко, раздался жалобный кошачий вой.

Прямо перед собой Лена увидела на крыше сарая мальчишескую фигуру, сжимающую в руках белую кошку.

— Что ты делаешь?! Сейчас же отпусти животное! — заволновалась Лена. — Бессовестный мальчишка! Зачем ты мучаешь кошку?!

— Я не мучаю, — сказал тонким голосом мальчишка. — Это он меня мучает, царапается, как чёрт!

Павлик попытался отодрать от себя дрожащего крупной дрожью кота, но Тимофей не выпустил хозяина из своих цепких объятий и только взвыл и вовсе уж дурным голосом.

— Гадкий, гадкий мальчишка! Если ты не прекратишь издеваться над кошкой, я позову соседей!

И в эту минуту под окнами раздался пронзительный крик тёти Кати:

— Граждане добрые! Митрию Ферапонтычу голову проломили!

Глава 7
Волнение под деревом

Во дворе дома №15 под большим раскидистым деревом колыхалась толпа. Посреди толпы, на зелёной скамейке, в коричневой вязаной жилетке с оленями лежал Дмитрий Ферапонтович Волков. Племянница Светка прикладывала к его лбу платок, смоченный «Тройным» одеколоном, Лена обмахивала его соломенной шляпой, лифтёрша тётя Катя трясла над ним чёрным биноклем.

— Люди добрые! — оглашала воздух тётя Катя. — Глядите, чего на нашего Митрия Ферапонтыча сверху кинули.

— Кто? Кто кинул? — волновалась толпа.

— Вон он, разбойник! — грозила кулаком тётя Катя. — На крыше сидит! Был бы тут Вовка-внук, он бы ему показал, как на крыши влезать да над людьми измываться!

На балконы спешно выбегали люди.

— А зачем он туда залез?

— В окна подглядывал, охальник!

— Снять его оттуда! Стащить! Хулиганьё! Вот молодёжь пошла! Куда школа смотрит?

Пять человек во главе с Андреем бросились на крышу сарая, и вскоре, к великому ужасу стоявшей на балконе Марины Сергеевны, бледный Павлик Помидоров вместе с горячо обнимавшим его котом был спущен на землю.

Глава 8
Запись девятая

19 июня.

Всё ужасно!!! Зря я старался, хотел эту девушку от преступников спасти! Пусть похищают! Вчера больше всех кричала, даже ущипнула меня. Как будто я этого её соседа нарочно убить хотел! А он, между прочим, своей головой мой бинокль сломал, а сам только шишкой отделался! А потом она всем стала рассказывать, что я кошек мучаю, что я вообще какой-то изверг! Они все на меня накинулись, а я даже объяснить ничего не мог. Прямо ужас какой-то! И эти все сбежались, смотрели на меня, как на ненормального. Светка так прямо чуть не с кулаками на меня лезла, а Андрей всё пальцем у лба крутил. Ладно, им же хуже! Пускай сами преступников ловят! А то здорово у них получается — мошенники у них на свободе под носом разгуливают, а честного человека обругали и опозорили. А потом ещё и мама на меня накинулась, разве ей что-нибудь объяснишь? Никто меня не понимает! Никто! Вот возьму и уеду из дома! На Север поеду, гидроэлектростанцию строить!

В пустой квартире резко прозвучал телефонный звонок. Мрачный, как туча, Павлик нехотя поднялся со стула и взял трубку.

— Павлик, это я! Ну, что там? Рассказывай скорее!

— Нечего мне рассказывать.

— Как нечего? Говори про девушку! Ты выяснил, кто она?

— Выяснил.

— Ну?

— Вредина и злюка, вот кто.

— Да ты что, заболел, что ли?

— Заболеешь тут. Слышала бы, как они все меня ругали, когда я на сарай залез!

— Да ты наплюй на них, Павлик! Не огорчайся! Хочешь, я тебе на скрипке по телефону поиграю?.. А может, хочешь с Ураном поговорить? Уран, Уран, иди сюда!

В трубке раздалось нежное собачье повизгивание, но тут же голос Лидии Сергеевны строго произнёс:

— Павлик, прошу тебя, не отвлекай Люсю. Она ещё не кончила заниматься музыкой.

Трубка загудела. Павлик бросил её на рычаг и с досадой огляделся. Хотелось громко возмущаться, плакать от обиды и бить кулаком по столу.

Павлик со злостью пнул стул и отправился на кухню. Там он швырнул на пол крышку со сковородки и стал руками есть холодную картошку. Картошка была покрыта белой плёнкой застывшего жира.

— Тьфу! — плюнул Павлик, отпил прямо из кастрюли глоток компота и с тоской поглядел в окно.

«Да, я Тефтеля, — думал Павлик. — И останусь Тефтелей на всю жизнь. Ничего я не смогу сделать замечательного, вообразил чёрт знает что! А на самом деле, что ни сделаю, всё получается глупо и смешно. Надо родиться таким, как Андрей. У таких людей всё получается, их все любят, они всем нужны. А я не Андрей. Я просто толстый, нелепый мальчишка и ни на что хорошее не способен. Да, не повезло Люське, что у неё такой брат».

Ах, дорогие читатели, может быть, вам трудно понять мучения Павлика? Вполне возможно, вы не такие обидчивые, не такие ранимые. Ведь все люди разные. Одного нисколько не смущает, что у него,

скажем, нос длинноват, для другого — это тяжкое испытание на всю жизнь. Один, скажем, всегда весел и сам и других заражает весельем. Другой — частенько хандрит и на окружающих тоску наводит. Один ловок, силён, как Андрей. Другой немножко похож на нашего Павлика, малость неуклюж, чудаковат и сам страдает от этого.

Ну так что ж? Главное ведь не в этом, правда, читатели? Не в том, какой у тебя нос и крепкие ли у тебя мускулы. Не в том, обидчивый ты или не обидчивый. Не в том, всегда ли ты весел или хандришь потихоньку. Главное в другом, совсем в другом... В чём? Не будем давать ответ на этот вопрос. Вы, читатели, если не глупы, и сами его дадите.

Глава 9
Груша на голове

По небу плыли пухлые серые облака.

Под облаками пятиэтажный дом глядел на мир начищенными окнами. В окнах стояли кактусы и сидели кошки.

— У-у, — погрозил им всем Павлик.

И тут его кулак застыл в воздухе.

Внизу по дорожке шла девушка в джинсах.

В руках у девушки качался коричневый кожаный рулон, в каких носят свёрнутые в трубку чертежи.

За девушкой шёл Лохматый. Шёл и пронзительным взглядом буравил девушке спину.

Вот он вытянул руку и что-то сказал.

Девушка не обернулась.

Тогда Лохматый в два прыжка догнал девушку и пошёл рядом.

Павлик так и подался вперёд. Все обиды сразу улетучились у него из головы. Он не отрывал глаз от идущих внизу людей.

— Постойте, девушка! — Лохматый схватил девушку за рукав.

Трясущимися руками принялся Павлик открывать окно.

Лена выдернула руку.

— Послушайте, что вам нужно? Зачем вы за мной идёте?!

— Извините меня, но мне нужно с вами поговорить. Всего две минуты! Я прошу вас, остановитесь!

— Я тороплюсь, — сказала Лена и хотела пойти дальше, но Лохматый загородил ей дорогу.

— В таком случае, я вас никуда не пущу! — нагло заявил он.

— Я закричу, — сказала Лена.

Павлик заметался по квартире. Что делать? Как помочь этой девушке, которая вчера так громко срамила его при всех! Сейчас Лохматый попытается завязать с ней знакомство! Сейчас он, возможно, станет выпытывать у неё какие-нибудь важные, секретные сведения! Надо действовать немедленно! Надо что-то решительно предпринять!

Павлик кинулся к холодильнику, выхватил оттуда кастрюлю с компотом и потащил к окну...

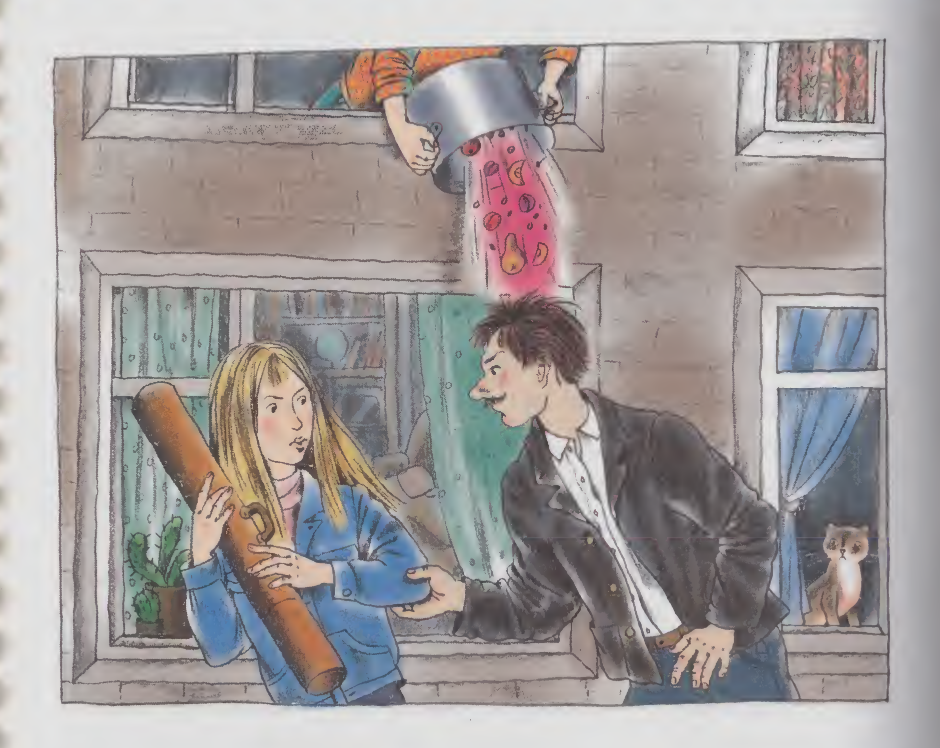
— Лена, неужели вы не можете меня выслушать?

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

— Я всё про вас знаю. Дайте сюда ваш рулон!

«Рулон захотел? Больно ты хитрый! Вот тебе рулон! Получай!» — И Павлик перевернул кверху дном белую эмалированную кастрюлю и выплеснул её содержимое прямо на голову Лохматого.

Последнее, что видел Павлик, когда втаскивал кастрюлю обратно, была мокрая макушка Лохматого с тёмно-коричневой

грушей посредине и плечи пиджака, обильно усыпанные изюмом и черносливом.

Последнее, что он слышал, был пронзительный девушкин вопль:

— Я тебя видела! Видела! Гадкий мальчишка! Опять хулиганишь? Опять за своё? Ну, погоди! Ну, смотри у меня!

Через минуту в дверь со страшной силой забарабанили.

— Открывай! Немедленно открывай! — послышался женский голос.

Дрожа от возбуждения, Павлик нажал на язычок замка, но — странно! — замок почему-то заело!

Бывают иногда такие неожиданные, необъяснимые моменты в жизни, и именно в какие-то очень ответственные минуты.

Человек, к примеру, спешит на самолёт, торопится, волнуется, опаздывает, и вдруг... застревает в лифте! Или спешит на встречу, от которой зависит вся его жизнь, а автобус всё не идёт и не идёт, а потом приходит переполненный до отказа, и залезть в него невозможно, и он уходит, уходит... и человек смотрит ему вслед, с отчаянием качая головой и проклиная всё на свете.

Вот такое случилось и с Павликом.

Он открыл бы дверь! Он сказал бы! Не побоялся бы Лохматого, честное слово! Не побоялся!

Но...

— Я не могу открыть, — сипло сказал за дверью Павлик, с отчаянием борясь с дверным замком.

— Ах, не можешь?! Ну ладно! Попадись только мне в руки! Да я тебя!.. Да я просто не знаю, что с тобой сделаю!!!

— Леночка, не сердитесь так, — услышал Павлик весёлый голос Лохматого. —

Да это же пустяки: компотом облили! Даже приятно. Гораздо приятнее, чем супом, например. Эй, ты, слышишь? Спасибо, что не щами меня облил!

И Лена вдруг засмеялась.

— Ой, а у вас груша на голове! — тоненько сказала она. — И тут, на носу, изюм...

— Неужели изюм? — обрадовался Лохматый.

И они захохотали там, за дверью, как сумасшедшие.

— Ой, не могу! У вас на воротнике чернослив!

— Спасибо, что не пельмени!

Раскачиваясь от смеха, они вышли из подъезда. Рыжий девушкин рулон был в руках Лохматого.

— Придётся идти ко мне, — громко сказала Лена. — Вы же не можете в таком виде по улицам ходить. Надо вас почистить и высушить.

— Конечно! — в восторге воскликнул Лохматый. — Конечно, Леночка! Вы совершенно правы!

И, помирая со смеху, они вошли в подъезд напротив.

Часть пятая
«ПАВЛИК, ВЫХОДИ!»

Глава 1
Верёвка из простыни

— Что я наделал! — бил себя кулаками по голове Павлик. — Что я наделал! Дурак! Идиот! Своими руками всё устроил. Ведь ему только и надо было к ней домой проникнуть!

Лихорадочно набрал он Люськин номер и заорал в трубку:

— Алё, Люська, это я! Ты меня слышишь? Люська, они пошли к ней! К ней пошли, ты слышишь! Лохматый и она! Они пошли к ней! Домой!

— Ну да! — ужаснулась Люська. — Неужели прямо к ней? Так что же ты сидишь?

— А что мне делать? У меня замок сломался, я из дома выйти не могу! — в отчаянии воскликнул Павлик.

— Подумаешь, сломался! А ты по верёвке спустись на улицу. Я один раз так удрала, когда меня дома заперли. Ты давай там времени не теряй, спускайся, а мы с Ураном сейчас приедем. Ты без нас его не лови, слышишь?

— Слышу, — сказал Павлик. И заметался по квартире в поисках верёвки.

Нечего и говорить, что верёвки в доме не оказалось. В ящике кухонного шкафа были какие-то тоненькие коричневые обрывки, больше похожие на нитки. И всё, и больше ничего. Да, ещё под диваном валялись старые прыгалки, забытые Люськой...

Павлик в ярости швырнул прыгалки в угол.

Он был весь красный. Он тяжело дышал. Глаза выпучились как у рака. Такого напряжённого момента в жизни не было ещё у Павлика Помидорова.

«Сейчас приедет Люська, — думал Павлик, — а я ещё дома! Что же делать! Думай, голова, думай, думай, думай! Придумай, пожалуйста, что-нибудь! Ну пожалуйста! Ну поскорее!»

И голова Павликина придумала.

Она вспомнила, как поступали в кино бегущие из тюрьмы преступники. Они рвали на полосы простыню и связывали верёвку из этих полос.

И Павлик поступил так же. Решительно разрезал он ножницами лучшую мамину простыню в горошек, связал полосы друг с другом, прикрепил один конец самодельной верёвки к балкону, другой — перекинул во двор...

Ах, чёрт, коротка верёвка! До земли остаётся не меньше трёх метров!

Павлик снова заметался по квартире, но быстро взял себя в руки. Выражение отчаяния сменилось на его лице выражением суровой решимости. Плевать! Коротка так коротка! И так сойдёт! Главное, спуститься вниз, а там уж можно и спрыгнуть. Ничего. Не стеклянный. Не разобьюсь.

Волнуясь, Павлик крепко-накрепко привязал верёвку к балкону, перешагнул балконную решётку и уцепился обеими руками за верёвку.

Опустил одну ногу...

Верёвка подозрительно затрещала. Стало немного жутко, захотелось закрыть глаза, голова закружилась...

«Спокойно!» — приказал себе Павлик, опустил вторую ногу и всей тяжестью повис на верёвке.

Ох, как затрещала верёвка! Выдержит ли она Павлика? Не знаем, право слово, не знаем!

Лазил ли Павлик по верёвке раньше, скажем, в третьем классе или, к примеру, в детском саду?

Нет, не лазил никогда. Ни в четвёртом, ни в третьем классе, ни в детском саду.

Волнуется ли Павлик? Дело рискованное: верёвка-то ненастоящая и не с первого этажа приходится спускаться!

Нет, не волнуется!

Беда только — верёвка почему-то вертится вокруг своей оси, как будто кто нарочно её закрутил.

Павлик ожидал чего угодно, только не этого! Почему она вертится? И когда остановится? Но верёвка вертелась и вертелась...

Голова у Павлика закружилась. Он зажмурился, стараясь не видеть, как всё поплыло перед глазами, и с закрытыми глазами стал по очереди отдирать руки от верёвки, потихоньку сползая вниз.

Но тут новая беда! Не успел Павлик спуститься на полметра, как верёвка принялась бешено раскачиваться! То ли ветер подул, то ли ещё что, но теперь Павлик крутился и раскачивался на верёвке, как циркач в цирке, с той только разницей, что в цирке взволнованная публика рукоплещет храброму циркачу, а здесь две кошки и чёрная дворняжка с удивлением взирали на болтающегося под балконом мальчишку.

— Ты что, парень, белены объелся? — крикнул рабочий в спецовке с железным болтом в кармане. — А ну, слезай! Слезай, кому говорят!

Хорошо говорить — слезай! Лезть было страшно трудно.

Пальцы мёртвой хваткой вцеплялись в верёвку, плечи онемели, руки дрожали, приходилось огромным усилием воли отдирать их от верёвки, чтобы сползать вниз.

«Что же ты медлишь! — ругал себя Павлик. — Ведь он может убить её! Скорее слезай! Скорее! Скорей!»

И вот Павлик уже на расстоянии трёх с половиной метров от земли.

Тр-р-рк! Верёвка с треском лопнула, и с высоты трёх метров Павлик упал в клумбу, прямо в только что посаженные Светкой анютины глазки.

— Караул! — завизжала в окне вездесущая тётя Катя. — Зелёные насаждения ломают!

И в это время вышел из подъезда Андрей. На поводке он вёл своего огромного чёрно-серого Брута.

Глава 2

«Андрей, идём со мной!»

Павлик вскочил, не отряхиваясь.

Какое везение! Брут! Немецкая овчарка! Лохматый сразу её испугается! Брут на него набросится, искусает, собьёт с ног! Да с такой собакой даже самый сильный мужчина не справится!

И без колебаний Павлик бросился к Андрею.

— Андрей! Андрей! — горячо заговорил Павлик. — Идём со мной! Пожалуйста, идём! У тебя Брут! Он очень нужен! Очень, понимаешь?!

— Куда это?

Андрей жевал резинку и, иронически улыбаясь, оглядывал с головы до ног перемазанного землёй, взлохмаченного, с лихорадочно блестящими глазами Павлика.

— Что с тобой, Тефтеля? Уж больно ты сегодня чистенький!

— Да послушай меня! В том подъезде преступление готовится! Я потом всё

объясню, а сейчас некогда, бежим скорее! Брута он испугается, непременно испугается!

— Какое ещё преступление?! Спятил ты, что ли?

— Клянусь! Дело очень серьёзное! Жизни одного человека грозит опасность!

Андрей недоверчиво усмехнулся.

— Хватит врать, Тефтеля!

— Вот честное слово! Честное пионерское! Вот честное, честное...

Вид у Павлика был такой взволнованный, что усмешка сползла с лица Андрея. Он даже побледнел немного.

— Так, может... может, в милицию сообщить?

— Не успеет милиция!

— Не успеет?.. Так что же делать?

— Я же сказал: бежать туда надо. Ты, я и Брут. Втроём мы справимся.

— Но я... я не могу, — совсем побледнел Андрей. — Никак не могу. У меня соревнование ровно в три пятнадцать, а сейчас без пятнадцати!

Эх!!! Павлик отчаянно махнул рукой, оглядел пустой двор и бросился к невысокому плотному молодому человеку, который направлялся к пятому подъезду с

большой картонной папкой под мышкой, в каких обыкновенно художники носят свои рисунки.

— Дяденька, прошу вас, пойдёмте со мной! В том подъезде преступление готовится! Там один тип похитить хочет... украсть...

— Украсть?!

Молодой человек, придерживая папку, бросился за Павликом.

Павлик оглянулся на бегу. Во дворе Андрея не было.

Глава 3
Вопли за дверью

Возле подъезда стояла чёрная блестящая машина иностранной марки.

В машине — руки на руле — сидел громадный рыжий детина в чёрных очках.

— Это их машина! — зашептал Павлик. — Это сообщник. Он ждёт его, понимаете?

Рыжий с каменным лицом, не шевелясь, сидел за рулём. Громко тарахтел заведённый мотор...

Павлик, а вслед за ним молодой человек с папкой проскочили перед носом машины, вбежали в подъезд, в мгновение ока взлетели на второй этаж и, еле переводя дух, остановились перед коричневой дверью.

За дверью стоял невообразимый шум.

Слышались душераздирающие вопли. Молодой человек грохнул ботинком в дверь. Она распахнулась...

Глава 4
Люська спешит на помощь

А в это самое время Люся Синицына вместе со своим Ураном мчалась через всю Москву на помощь брату.

Она мчалась на мотоцикле.

Не на своём, конечно.

Она мчалась на мотоцикле участкового милиционера Владимира Павловича Милюкова, с которым её и её маму Лидию Сергеевну связывала давняя дружба. Мы не будем рассказывать сейчас об истории этой дружбы, нам некогда. Но если вы очень захотите узнать, как Люся Синицына и её мама познакомились и подружились с милиционером Милюковым, советуем вам прочесть книжку «Рассказы Люси Синицыной, ученицы третьего класса».

Итак, Люся Синицына и милиционер Милюков спешили на помощь к Павлику Помидорову.

Люся сидела в коляске. Она обнимала за шею своего рыжего с чёрным пятном Урана.

— Ты не волнуйся, Уранчик, — говорила она. — Мы как туда вбежим, ты сразу

на него кидайся! Он такой длинный, в кожаном пиджаке. Ты его сразу узнаешь. Ты на него кидайся и кусай побольней, понял? И смотри, чтобы он не удрал!.. Владимир Павлыч, ну скоро мы приедем?

— Скоро, — хмуря белые брови, сказал милиционер Милюков.

— А пистолет вы взяли?

— Взял, — был короткий ответ.

Милицейский мотоцикл на всех парах нёсся к Краснобаррикадному...

Глава 5
«Он меня убил!»

Итак, дверь распахнулась.

Представшая глазам вбежавших комната была... пуста. То есть она не была пуста. В ней стоял большой письменный стол, заваленный чертежами и бумагами, заставленный керамическими баночками с ручками, линейками и карандашами; голубой платяной шкаф, из-под неплотно прикрытой дверцы которого ярко-зелёной змейкой выползал шёлковый женский шарф; тройное зеркало с полочкой, на полочке разноцветные флакончики, тюбики, серебряное кольцо, узкий браслет и фотография американского певца Дина Рида.

В зеркале отражались книжные полки и прикнопленные к ним лакированные синие, зелёные, красные обложки иностранных журналов, с которых таинственные красавицы, томно прикрыв глаза, глядели на Павлика. Под красавицами стоял на тумбочке большой, как видно, новый магнитофон, рядом — старый дагестанский кувшин с длинным узким горлом и благо-

ухающими на всю комнату жёлтыми нарциссами.

Как видите, комната была отнюдь не пуста, но в ней не было ни души. Ветер разгуливал по паркету, колыхались на окнах занавески.

— Боже мой! — донёсся из кухни тихий-тихий стон. — Он меня убил!

Молодой человек, дико озираясь, схватил с тумбочки первое, что попалось под руку (а под руку попался кувшин с нарциссами), и бросился в кухню.

Павлик за ним...

И вот что они увидели.

В углу кухни светился слабым зелёным светом экран телевизора. На экране растрёпанная женщина прижимала к груди окровавленный платок... А за жёлтым кухонным столиком с чашкой чая в руках совершенно спокойно сидел Лохматый! Он был в майке. Его широченные разбойничьи плечи прикрывал ажурный вязаный женский платок.

Рядом молодая девушка гладила утюгом мужскую рубашку, и густой белый пар обнимал её лицо.

Глава 6
Сцена в кухне

Молодой человек, сжимая одной рукой папку, а другой кувшин, остановился в дверях кухни с выражением крайнего изумления на лице.

— Это ты? — тихо сказал он и принялся делать ртом такие движения, которые делает рыба, выброшенная на берег.

Лохматый поперхнулся чаем и вскочил.

Девушка открыла рот и опустила утюг на рубашку. Рыжее пятно расползлось под утюгом.

В квартире запахло палёным.

— Старик, что ты здесь делаешь? — растерянно произнёс молодой человек, наконец перестав открывать и закрывать рот.

— Чай пью, как видишь, — мучительно кашляя, ответил Лохматый. — Лучше скажи, как ты сюда попал, Борода?

— Старик, мне сказали, что тут... готовится какое-то преступление! Что ты... хочешь... что-то там... украсть.

— Кто вам мог такое сказать?! — возмущённо воскликнула девушка.

— Вот этот мальчик! — Молодой человек повернулся, и все трое увидели за его спиной Павлика Помидорова.

«Надо спасаться, бежать, пока не поздно!» — в страхе подумал Павлик, но в эту трудную минуту ноги отказались его слушаться, они никак не могли оторваться от пола...

— Да это же тот самый хулиган! — закричала Лена. — Держите его, Гена! Надо отвести его в милицию!

Павлик ещё раз попробовал оторвать ноги от пола, тщетно. Ноги казались железными, пол — магнитным.

Лохматый неумолимо надвигался. Его холодные серые глаза, казалось, пронзали Павлика насквозь.

— Ага, попался!!!

Жёсткая рука легла на Павликино плечо. Пальцы сдавили его, как клещи.

— Милиция нам ни к чему, — сквозь зубы процедил Лохматый, наклоняясь над Павликом. — Сейчас мы сами с ним поговорим! Ну, как здоровье гусениц?..

— Старик, но ты в таком виде! — вмешался Борода. — Оделся бы сначала!

— Одеться? Да этот чёртов малый мне рубашку компотом облил! — крикнул Лохматый и со страшной силой тряхнул Павлика за плечо.

Глава 7
Милиционер Милюков

И в эту самую секунду оглушительный лай загремел в квартире №37, и рыжий пёс с чёрным пятном на боку бросился на Лохматого и цапнул его за руку.

Лохматый взвыл и отпустил Павликино плечо.

— Ваши документы! — раздался строгий зычный голос, и перед обомлевшими преступниками вырос милиционер с белыми бровями и толстым носом. — Ваши документы, — строго повторил милиционер и навёл на злодеев дуло пистолета.

Совершенно растерявшиеся преступники принялись шарить по карманам. Стараясь казаться спокойным, Лохматый протянул участковому паспорт. Рука его слегка дрожала: паспорт несомненно был фальшивый.

Участковый Владимир Павлович раскрыл паспорт и нахмурил брови.

— Та-ак... Рюмкин Геннадий Васильевич... Где работаете, гражданин Рюмкин?

— Я?.. Извините, товарищ милиционер, но что всё это значит? Почему я должен?..

— Где работаете, гражданин Рюмкин?! — возвысил голос милиционер Милюков.

— Ну, если вам так хочется знать, — в журнале.

— В каком таком журнале?

— В журнале «Молодость».

Милиционер поднял брови и сурово оглядел Лохматого.

— Та-ак... В журнале, значит?.. Ладно, сейчас разберёмся... Ваши документы! — повернулся он к Бороде.

— У меня нет с собой документов. Дома остались. Но Геннадий Васильевич может подтвердить, что мы с ним в одном журнале работаем. Мы, видите ли, коллеги, товарищ милиционер.

И тут из-за спины участкового выступила доселе скрывавшаяся там Люська.

— Не верьте им, Владимир Павлыч! — закричала Люська. — Никакие они не калеки! Они оба шпионы! Вот этот вот хотел эту девушку украсть, а вот этот ему помочь пришёл!

— Час от часу не легче! — воскликнула Лена. — Послушайте только, что болтает эта девчонка! Гена, вы слышите? Оказывается, вы меня украсть хотели!

И тут произошло нечто странное. Нечто такое, что не лезло ни в какие ворота.

— Ну, вообще-то, Лена, я вас действительно с удовольствием бы украл! — вдруг, глупо улыбаясь во весь рот, заявил Лохматый.

— Вот видите! — обрадовалась Люська. — Он сам признался! Сам!

— Помолчи, Люся, — строго сказал участковый. — Без тебя разберёмся!

И тут заговорил Павлик Помидоров.

— Она не напутала, — горячо и взволнованно сказал он. — Эти люди в самом деле преступники. Я их давно выследил, я всё про них знаю. Вот у этого кличка «Старик», вот у этого «Борода», а ещё у них есть помощница, по кличке «тётя Фарида»...

Глава 8
Фото Рюмкина

Но Павлик не успел договорить. Гром потряс квартиру №37. Преступники захохотали.

Они хохотали, взявшись за бока, раскачиваясь, плача от смеха.

— Ох-хо-хо-хо! — хохотал Старик.

— Ух-ху-ху-ху! — хохотал Борода.

— Ой, не могу, умру! — надрывался Лохматый.

— Держи меня, сейчас лопну! — вторил его приятель. — Так вот, значит, где собака зарыта? Вот, значит, за кого нас

эти дети приняли?!! Ух-ху-ху-ху... За преступников! Мама родная, да какие же мы преступники? Я художник Юрий Соколов, а мой друг Гена...

— Всего-навсего фотограф! — воскликнул Лохматый.

— Ну, это он, пожалуй, скромничает! — возразил, вытирая слёзы, Борода. — Я вам покажу сейчас, какой это «всего-навсего фотограф». Замечательные вещи делает. Глядите-ка сюда... Вот, прошу внимания! — и вынул из папки журнал «Молодость» в ярко-зелёной обложке и раскрыл его.

— Боже мой! — тихо охнула Лена. — Да это, кажется, я!

Посредине журнала красовалась фотография. Она была большая, во всю журнальную страницу.

На лавочке вся в солнечных пятнах сидела Лена. Маленькие зубчатые тени от листьев скользили по её волосам.

Лицо её было серьёзно и сосредоточенно. В руках — тонкая веточка. Склонившись, Лена чертила веточкой по земле иксы, игреки, квадраты и треугольники. Внизу, под фотографией, было написано: «Скоро экзамены. Фото нашего собственного корреспондента Геннадия Рюмкина».

Глава 9
Конец сцены в кухне

Пять минут в полном молчании, сердито насупив белые брови, милиционер Милюков разглядывал фотографию. Пять минут, целых пять минут никто из присутствующих не проронил ни слова. Борода глядел на Лохматого, Лохматый и Лена глядели друг на друга, Люська глядела на Павлика, а Павлик глядел в пол.

Не то чтобы глядел, а прямо-таки впился в пол, согнулся в три погибели, низко-низко наклонил голову, как будто хотел лбом упереться в крашенные лаком половицы. На шестой минуте...

— Гм, — сказал участковый и, обернувшись, так строго поглядел на Люську, что брови его совсем сошлись у переносицы. — Гм, — сказал он снова. — Неувязочка вышла, товарищи! Вот эта особа... товарищ Люся... кое-что напутала. Да. У неё, знаете, вечно фантазии в голове...

И вдруг милиционер застенчиво улыбнулся.

— А я-то думаю, что это мне так ваша фамилия знакома, товарищ Рюмкин! Да

ведь я за вашими достижениями давно слежу! Я, если можно так выразиться, ваш поклонник в области фотографии, вот как.

— Неужели?! — обрадовался Лохматый. — Так будем знакомы! Меня зовут Гена. — И Лохматый протянул милиционеру широкую, как лопата, ладонь.

— Милюков. Владимир Павлыч, — зарделся участковый. — Очень рад лично познакомиться! Я, понимаете, тоже фотографией увлекаюсь. Только у меня, конечно, не такие достижения, как у вас. Куда мне! Вы мастер исключительный! Да. Так что большая просьба выступить у нас в отделении о современных достижениях в этом искусстве.

— Договорились, товарищ милиционер!

— А сейчас мне идти надо. Извините, дорогие товарищи. Пошли, Людмила! — козырнул участковый.

— А где же Павлик? — сказала Люська. И тут вдруг все вспомнили про Павлика Помидорова и стали искать его глазами.

Но Павлика нигде не было. Он ушёл.

— Гена, пожалуйста, догоните этого мальчика! — сказала Лена. — Он, оказывается, спасти меня хотел! А я кричала на него. Я думала, он хулиган.

Глава 10
Что было после

А Павлик шёл по улице. Шёл, от усталости и огорчения еле волочил ноги, хромал и спотыкался на каждом шагу.

Ушибленная при падении рука сильно болела, раньше Павлик как-то не заметил этого. Ох, как болит! Трудно идти. И на душе тяжело, как будто к ней гирю подвесили.

— Какой позор! — тихо шептал Павлик. — Теперь надо мной всю жизнь смеяться будут! Теперь мне проходу не дадут! И поделом! Тефтеля проклятая! Глупец! Куда тебе людей спасать, за большие дела браться? Ты и маленького-то не умеешь, троечник несчастный! Тебя и в звеньевые-то ни разу в жизни не выбрали! А всё почему? Потому что ты... ты... помидор ты расквашенный, вот кто ты!

Так шёл и шептал Павлик и вдруг услышал позади себя:

— Павлик, подожди! Куда ты? Мы весь двор обыскали, не знали, где тебя найти! — И к Павлику подбежали запыхавшиеся Люська и братья Петуховы.

— Ты куда идёшь? Пошли домой! Мы с тобой пойдём, — сказала Люська. — Правда, Петухи?

— Ага! — сказали братья. — Ну, ты даёшь! Нам твоя сестра всё сказала!.. Как же ты не побоялся по верёвке... с четвёртого этажа?! И этих... самых... голыми руками ловить! Ну и отчаянный ты, Пашка! Прямо Фантомас!

— А вы как думали? — гордо сказала Люська. — Мой брат такой! Ничего не боится! Правда, Павлик?

Глава 11
«Павлик, выходи!»

Было утро. Хоровод весёлых пылинок кружил в воздухе. Павлик лежал на кровати, укрытый тёплым одеялом.

Можете себе представить, проснулся он с раздутой, как шар, щекой.

— Свинка! — ахнула Марина Сергеевна и не велела вставать с постели.

Ну и хорошо, что свинка! Хорошо, что можно отдохнуть, поваляться в постели, собраться с мыслями.

Павлик закрыл глаза и потянулся. Ой, что было вчера вечером! Громы и молнии метала Марина Сергеевна на своего непутёвого сына!

— Все дети как дети! — кричала она. — Варя Петрова в живом уголке за кроликами ухаживает. Витя Сундуков настольным теннисом увлекается! Толя Галушкин гербарии собирает! Твоя двоюродная сестра в музыкальной школе по классу скрипки учится!

И только у тебя одного какой-то сплошной бред в голове! Какие-то утопленники, шпионы, чужие дети — чёрт знает что!

Так бушевала она до самой ночи, но зато сегодня с утра, растратив весь запас раздражения, была тихая, кроткая и ласковая.

— Сыночек, — с тревогой всматривалась она в Павлика. — Бедненький мой! Наверное, тебя та девочка заразила. Люсенька, ты не подходи близко к Павлику, как бы тоже не заразилась!

— Подумаешь! — сказала Люська. — С удовольствием поболею! Очень уж надоело на скрипке гаммы пиликать!

— Па-а-влик! — донеслись в окно громкие голоса братьев Петуховых. — Выходи гуля-а-а-ть!

— Не выйдет он, — высунулась в форточку Люська. — Заболел Павлик, поняли?

Через минуту в прихожей зазвенел звонок, и Марина Сергеевна увидела на пороге рыжих братьев.

— Дети, к Павлику нельзя, у него свинка, очень заразная болезнь! — взволнованно сообщила Марина Сергеевна.

— А мы свинкой болели, — в один голос заявили братья, входя в комнату. — Вот, держи, Павлик. Передать тебе просили, — и протянули Павлику какой-то продолговатый, завёрнутый в газету свёрток.

— Что это? — загорелась Люська, в одну секунду развернула газету, швырнула её на пол и ахнула: — Ой, Павлик, гляди!!!

В руках Люська держала огромную глянцевую фотографию. На ней в кустах с сачком для ловли бабочек стоял Павлик. Вид у него был взъерошенный. Он глядел прямо в кадр, и каждая мелочь, каждая ресничка, каждая малюсенькая родинка на его лице были видны так отчётливо, что лицо казалось живым.

Вот-вот этот мальчишка с прозрачными, светлыми в крапинку, глазами что-то скажет или просто заморгает, прищурится

на солнце, взмахнёт сачком и побежит по высокой траве, в которой каждый стебелёк видно, каждый, даже самый маленький цветок!

А вокруг на деревьях трепетали живые солнечные листья. И слева, будто на секунду, застыла на травинке светлая бабочка — вот-вот вспорхнёт и улетит!

На обратной стороне фотографии было написано: «Славному человеку, мужественному Павлику Помидорову от всего сердца! Г. Рюмкин».

И ещё приписано:

«Милый Павлик, большое тебе спасибо, что ты хотел меня спасти! Поправляйся и приходи ко мне в гости. Буду очень рада! Лена Скворцова».

Глава 12

Десятая запись в дневнике Павлика, которой и кончается наша книжка

30 июня.

Я долго болел. Братья Петуховы меня навещали. Мы почти каждый день играли с ними в пуговицы. Я подарил им по одной, а они принесли мне настоящего жука-носорога в спичечной коробке. Они хорошие! Борька показывал мне фокусы, а Толька читал вслух книжку, когда у меня была высокая температура.

А теперь я выздоровел и подружился ещё с одним замечательным человеком. Как я мог принять его за преступника?! Он добрый и весёлый. Зовут его

Геннадий Васильевич Рюмкин, но он просит называть его Гена. Гена обещал научить меня фотографировать, как он сам, а фотографирует он лучше всех на свете! Ура! Я буду фотографировать маму, Тимофея, Люську с Ураном, Тольку с Борькой, и собак, и воробьев. И красивые деревья, и облака, и цветы, а когда вырасту, стану, как Гена, собственным корреспондентом журнала «Молодость» и стану ездить во всякие командировки, фотографировать новые города, стройки и извержения вулканов, и в журнале «Молодость» будут во всю страницу напечатаны мои фотографии и под ними будет написано:

Фото нашего собственного корреспондента Павла Помидорова.

Да, кстати, Гена мне объяснил, что выражение «пустить на полосу» — значит напечатать фотографию во весь журнальный лист.

Мы с Люськой и Геной были в гостях у Лены Скворцовой. Оказывается, она учится в Строительном институте. Она нас угощала очень вкусными пирогами с капустой.

Забыл написать ещё вот что. Когда я в первый раз после болезни вышел во двор, они все там были. Толька с Борькой

и Светка сразу бросились ко мне и меня окружили, один Андрей не подошёл. Он стоял в стороне и хмуро глядел, как мы стали играть в лапту, а потом повернулся и ушёл домой. На следующий день он уехал в спортивный лагерь.

Между прочим, Светка по-прежнему зовёт меня Тефтелей, но я решил: мне не жалко, пусть зовёт, если ей так нравится!

○

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая
ТЕФТЕЛЯ

Глава 1. Хорошо быть писателем! 5
Глава 2. Имя нашего героя 8
Глава 3. «Какой чудный мальчик!» 10
Глава 4. Можно начинать новую жизнь..... 14
Глава 5. Павлик решает вести дневник 16
Глава 6. Начало дневника................. 17
Глава 7. Появление Люськи 20
Глава 8. «Привет, Петухи!» 24
Глава 9. Знакомство...................... 28
Глава 10. Павлик плачет 34
Глава 11. Разговор с Тимофеем 36
Глава 12. Снова дневник.................. 39
Глава 13. Ещё три записи в дневнике 41

Часть вторая
«ЖИГУЛИ» В ТЁМНОЙ АЛЛЕЕ

Глава 1. Странный разговор 47
Глава 2. Девушка в джинсах 50
Глава 3. «Вечно вы что-нибудь придумаете!» . 52
Глава 4. «Что же делать?» 54
Глава 5. Разговор с Люськой.............. 55
Глава 6. Сон Павлика Помидорова 59
Глава 7. Человек в кустах................ 62
Глава 8. Шустрые гусеницы 65
Глава 9. «Жди на трубе!» 68
Глава 10. Второе появление Люськи 70
Глава 11. Следующая запись в дневнике.... 75
Глава 12. «Вот это работа!» 76
Глава 13. «О чём ты думаешь?» 80
Глава 14. Павлик рассказывает о своих планах Люське........... 81
Глава 15. Маска старичка 82

Часть третья
СТАРИЧОК В КЛЕТЧАТЫХ БРЮКАХ

Глава 1. «Эй, папаша!» 85
Глава 2. Музыкальная подворотня 88
Глава 3. Двор............................ 91
Глава 4. Павлик спускается в подвал 92
Глава 5. Девочка на лестнице............. 94
Глава 6. Записка на двери................ 99

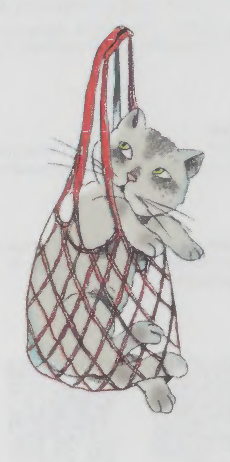
Глава 7. Павлик возвращается в подвал .. 101
Глава 8. Склад инвентаря 102
Глава 9. «Старик, ты просто гений!» 105
Глава 10. Тётя Фарида 107
Глава 11. «Тётя Фарида! Работать не даёшь!» 110
Глава 12. Павлик в западне 111
Глава 13. Павлик лезет в форточку 113
Глава 14. Мучения Павлика Помидорова ... 116
Глава 15. Сон тёти Фариды 118
Глава 16. «Дорогой Иван Иваныч!» 119
Глава 17. «Я тебе покажу!» 122
Глава 18. «Где наша дочь?» 124
Глава 19. «Хочу к дедушке!» 128
Глава 20. «Что происходит?» 131

Часть четвёртая
«Я ИХ ЗАСЁК!»

Глава 1. «Я их засёк!» 134
Глава 2. Доска с фотографиями 136
Глава 3. Запись восьмая 137
Глава 4. Павлик лезет на крышу 138
Глава 5. Таинственное слово 140
Глава 6. «Зачем ты мучаешь кошку?!!» 142
Глава 7. Волнение под деревом 146
Глава 8. Запись девятая 148
Глава 9. Груша на голове 151

Часть пятая
«ПАВЛИК, ВЫХОДИ!»

Глава 1. Верёвка из простыни 157
Глава 2. «Андрей, идём со мной!» 163
Глава 3. Вопли за дверью 166
Глава 4. Люська спешит на помощь 167
Глава 5. «Он меня убил!» 169
Глава 6. Сцена в кухне 171
Глава 7. Милиционер Милюков 173
Глава 8. Фото Рюмкина 176
Глава 9. Конец сцены в кухне 178
Глава 10. Что было после 180
Глава 11. «Павлик, выходи!» 181
Глава 12. Десятая запись в дневнике Павлика, которой и кончается наша книжка 185

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П32

Серия «Прикольный детектив»
Литературно-художественное издание
Для младшего школьного возраста

Ирина Михайловна Пивоварова

СТАРИЧОК В КЛЕТЧАТЫХ БРЮКАХ

Повесть

Художник Ксения Почтенная

Дизайн обложки *Ю. Снурницыной*
Редактор *Г. Коненкина*. Художественный редактор *М. Салтыков*
Технический редактор *Е. Кудиярова*
Компьютерная вёрстка *С. Мовчан*

Подписано в печать 05.07.2017. Формат 60х84/16
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура PragmaticaC
Усл.печ.л. 11,16. Тираж 3000 экз. Заказ №2776/17

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ». 129085 г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39
Наш электронный адрес: malysh@ast.ru. Home page: www.ast.ru

Мы в социальных сетях. Присоединяйтесь!
https://vk.com/AST_planetadetstva https://www.instagram.com/AST_planetadetstva
https://www.facebook.com/ASTplanetadetstva

«Баспа Аста» деген ООО. 129085 г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 39 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru. E - mail: malysh@ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі
«РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы к., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Өндірген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылған

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «ИПК Парето-Принт»,
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс №3А, www.pareto-print.ru

Пивоварова, Ирина Михайловна.
П32 Старичок в клетчатых брюках : [повесть] / И. Пивоварова; ил. К. Почтенной. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 190, [2] с.: ил. — (Прикольный детектив).

ISBN 978-5-17-101602-9.

«Старичок в клетчатых брюках» — замечательная остросюжетная, полная доброго юмора, повесть известного писателя, классика детской литературы И. Пивоваровой.
Для младшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

«МАЛЫШ»

Герою нашей книги Павлику Помидорову подвернулся случай доказать всем ребятам во дворе, кто дразнил его Тефтелей, что он чего-нибудь да стоит...
В один прекрасный день Павлик Помидоров совершенно случайным и невероятным образом стал детективом!..
А ведь он давно мечтал начать новую жизнь...
Читайте весёлую, написанную с необыкновенным чувством юмора, прекрасную детективную повесть известного писателя Ирины Пивоваровой «Старичок в клетчатых брюках».

www.ast.ru
ISBN 978-5-17-101602-9
9 785171 016029

